

ВИКТОР
ТЮРИН

Боевая фантастика

СВОЙ
СРЕДИ ЧУЖИХ

Боевая фантастика (АСТ)

Виктор Тюрин
Свой среди чужих

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

Свой среди чужих / В. И. Тюрин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-118340-0

Судьба снова закинула Костю Звягинцева в немецкий тыл, где он участвует в боевой операции партизанского отряда и невольно становится участником секретной операции «Архив». Вместе с захваченным в плен полковником абвера он возвращается в Москву, где и находит секретный архив, который упорно искала советская контрразведка. В качестве награды его отправляют учиться в школу внешней разведки. Оказавшись по заданию в Швейцарии, после пяти месяцев работы за границей, Костя решает не возвращаться в Советский Союз. Благодаря знанию будущего и знакомству с крупным немецким промышленником, которому в свое время спас жизнь, Константин Звягинцев постепенно выстраивает мощную торгово-промышленную империю, имеющую филиалы в большинстве стран мира.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118340-0

© Тюрин В. И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Тюрин

Свой среди чужих

© Виктор Тюрин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Виктор Тюрин

Родился в Германии, в семье военного, но большая часть своей жизни прожил в Беларуси, в Минске. Закончив среднюю школу, был призван в армию. Вернувшись домой, работал и учился. Работал слесарем-сборщиком, электромехаником, инженером. Любит сочинять, смотреть «в глубину веков» глазами своих героев и путешествовать.

Все персонажи этой книги, а также имена, которые они носят, вымышлены. Всякое сходство с реальными лицами случайно.

ГЛАВА 1

– Ну, здравствуй, лейтенант.

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

Он внимательно посмотрел на меня, после чего сказал:

– Похоже, у нас с тобой будет нелегкий разговор.

Я промолчал.

– Садись. В ногах, как говорится, правды нет, – и он сел, положив рядом с собой объемистый пакет, который держал в руке.

Вслед за ним опустился на кровать и я.

– Из рапортов мне известно, как погибли ребята. Ты ничего не хочешь добавить?

– Что добавлять? Бумаги написаны с моих слов.

– Ясно. К этому могу только добавить одно: найдены, опознаны и похоронены тела только трех человек. Михаила Кораблева. Павла Швецова, Григория Мошкина. Насчет остальных разведчиков можно предположить, что гитлеровцы закопали их тела просто в лесу, – подполковник помолчал, потом продолжил: – Судя по твоему каменному лицу, несложно догадаться, о чем ты думаешь, Звягинцев: опытных и проверенных людей взяли и послали на смерть. Так?

– Разве не так? Вы сами прекрасно знаете, что у нас свои задачи, отличные от армейской разведки. И на своей работе мы принесли бы намного больше пользы, чем просто по-дурному умереть.

– Выбери выражения, лейтенант! Сейчас идет война! Тяжелая, суровая, на истребление, требующая от нас всего, без остатка! Или ты до сих пор этого не понял?!

Взгляд у подполковника потяжелел, а голос стал злым. Слушая его, в свою очередь, я тоже почувствовал злость, так как давно убедился, что командир имеет собственный взгляд на окружающую действительность, и рассчитывал на его понимание, но вместо этого он стал мне высказывать прописные истины. Из-за этого мне захотелось его поддеть, уколоть побольнее.

– Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории. Это выдержка из полевого устава РККА. А вот еще одна, из того же устава. В любых условиях и во всех случаях мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью. Как-то они не сочетаются это с вашими словами, товарищ подполковник. Почему?

Сказал и сразу подумал о том, что зря сказал. Эмоции до добра не доводят, да и тема скользкая. «Сейчас командир понесет на меня. И будет прав».

Я уже приготовился к лавине гнева, который обрушится на мою голову, но к моему удивлению, Камышев сумел быстро взять себя в руки и продолжил разговор, как будто ничего не случилось.

– Знаешь, Костя, как человек, который родился и воспитывался в стране Советов, ты ведешь себя так, словно не понимаешь простых вещей, которые советский человек впитывает с молоком матери. Я бы еще понял твои умственные завихрения, если бы ты воспитывался в буржуйской семье, но оба твои родителя настоящие, проверенные временем, верные делу партии коммунисты. Я даже знаю, что твой отец еще при царском режиме в тюрьме сидел, а ты... Ну не знаю, как тебе еще сказать! Понимаешь... Сейчас у нас не может быть ничего своего личного, так как я, ты и миллионы других людей – мы представители советского народа. Мы все идем вперед, вместе шагаем к светлому будущему, и ты идешь с нами, вот только почему-то... не в ногу с остальными людьми. У тебя все как-то по-своему. Ты и с нами, и в то же время... – сам по себе. – Какое-то время он молчал, глядя на меня и пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова, но, не дождавшись никакой реакции, продолжил: – Ладно. Не о том я хотел сказать. Сейчас идет война, Костя, и наши жизни не имеют той ценности, как

в мирной жизни. Все, весь советский народ, отдаем самих себя для победы, в том числе и свои жизни, так как мы защищаем светлое будущее, и не только нашей страны, а всего мирового пролетариата! Понимаешь ты это?

– Если отбросить лишние слова, товарищ подполковник, то из сказанного вами можно сделать один простой вывод: люди в этой войне используются только как расходный материал.

Я снова не удержался, но мне давно хотелось это сказать, к тому же я знал, что дальше Камышева мои слова не пойдут. Взгляд подполковника снова потемнел, ему явно хотелось ответить резкой отповедью дерзкому лейтенанту, от слов которого так и веяло застенками Лубянки, вот только он был настоящим профессионалом, который, пройдя Испанию и Финляндию, видел много того, что расширило его сознание и дало свое, более правильное понимание советской действительности. Он не мог не признать, что немалая доля правды в словах этого лейтенанта есть, хотя они выглядели предательской клеветой на военную политику партии и правительства. К тому же он знал и ценил Звягинцева, несмотря на все его странности, как хладнокровного, смелого и опытного бойца, отлично показавшего себя в деле. Именно поэтому, несмотря на провокационные слова, от которых отдавало предательством, подполковник понял, что они были вызваны не трусостью или предательством, а той частью Звягинцева, которую он до сих пор не мог понять. Он понимал, что Костя по-своему видит этот мир. Вот только почему он его так видит, было для него загадкой, как и необыкновенные военные таланты Звягинцева.

– Чтобы подобных слов я никогда не слышал! Ты понял меня, лейтенант Звягинцев?!

Теперь в его словах звучали точно отмеренный гнев и негодование, то есть то, что необходимо выразить коммунисту и офицеру, который услышал подобные слова.

– Так точно, товарищ подполковник!

Камышев какое-то время смотрел мне в глаза, потом, отведя взгляд, долго молчал. Я тоже молчал, так как высказал личное мнение о бессмысленной гибели ребят, которые своей жизнью заплатили за чужие ошибки. Наконец командир снова заговорил:

– Знаешь, не у меня одного сложилось такое мнение о тебе. Васильич в свое время сказал мне про тебя так: «Звягинцев, он вроде свой и в то же время как бы чужой нам человек».

– Это вам мешает?

– Мешает. Сильно мешает! Как я могу быть полностью уверен в тебе, Костя, если не могу до конца понять, кто ты есть на самом деле! Ты воюешь так, словно уже прошел такую, как эта, войну. Иначе по-другому никак не объяснить твой боевой опыт. Тебя прямо сейчас поставь на мое место, и ты отлично справишься с этой работой, а тебе еще и двадцати лет нет!

– К чему этот разговор, товарищ подполковник?

Опять пристальный взгляд, который спустя несколько секунд потух и стал сонным и равнодушным. Я просто физически почувствовал, как устал этот человек. Душой и сердцем устал.

– Ни к чему, Костя. Просто выговориться захотелось. Теперь о тебе. Я выбил для тебя у начальства отпуск на две недели, но перед этим ты в обязательном порядке пройдешь полное медицинское обследование в госпитале.

– Это еще зачем?

– Сдержаннее надо быть, лейтенант, в своих словах, и тогда никто не усомнится в состоянии твоего душевного спокойствия.

«Особист. Из-за тех слов. Видно, приложил к рапорту свое особое мнение».

– Понял, товарищ подполковник.

– Хорошо, если понял. А это тебе. Держи, – и он протянул мне темно-коричневую коробочку, которую достал из кармана.

Я взял. Открыл. На подушечке из бархата лежал орден Красного Знамени и две звездочки. Закрыв крышку и поднял на него глаза.

– Мне лейтенанта дали?

– Правильнее сказать: присвоили воинское звание.

Я криво усмехнулся:

– А почему без торжественного строя и развернутых знамен?

– Тебе это надо?

– Нет, – я подкинул в руке коробочку. – И это мне... тоже не нужно.

Мне хотелось так сказать, но я оборвал фразу на половине, потому что иначе мне назначат дополнительное обследование уже не в госпитале, а в психбольнице. Камышев только бросил на меня внимательный взгляд, но ничего говорить не стал, а вместо этого стал разворачивать сверток. Спустя минуту на табуретке, прикрытой бумагой, стояли стаканы, бутерброды с салом и колбасой, а рядом с ними краснели боками четыре крупных помидора. На кровати рядышком лежали две бутылки водки.

– Эх, соль забыл, – скользнув взглядом по помидорам, раздосадованно буркнул Камышев, распечатывая бутылку. Быстро разлил по полстакана водки. – За наших товарищей, за наших боевых друзей. За тех, кто уже не вернется, но всегда останутся в наших сердцах.

Мы выпили. Закусывать не стали, только посмотрели друг на друга, а затем отвели глаза в сторону. Командир разлил остатки водки.

– За нашу удачу, Костя.

Опрокинув стакан в рот, я только сейчас почувствовал вкус водки. Взял бутерброд. Какое-то время мы закусывали, потом Камышев сказал:

– Я новую группу принял. У них командир недавно погиб. Хорошие парни. Опытные. Через неделю уходим.

– Куда?

– Западная Украина.

– Почему не в Беларусь?

– Приказы не обсуждают.

– Там вам удача точно не помешает.

– Открывай!

Я распечатал вторую бутылку, но только разлил по половине стакана, как подполковник сказал:

– Разливай все. Награду обмоем.

Достав из коробочки орден и звездочки, я бросил их в стакан с водкой, затем опрокинул его в рот. Поставив стакан на табуретку, взял бутерброд с салом и стал медленно жевать.

Камышев выпил вслед за мной, потом впился зубами в помидор, какое-то время аппетитно его ел. Вытерев руки о газету, он как бы невзначай сказал:

– Не вижу в тебе радости, Звягинцев. Или ты не рад?

– Почему? Рад. Только устал я сильно за это время, товарищ подполковник, вот поэтому она как бы незаметна. И не столько физически, сколько душой, – оправдывался я чисто автоматически, при этом прекрасно понимая, что он мне не поверит.

В ответ Камышев криво усмехнулся:

– Вот-вот. А ты говоришь: зачем тебе обследование?

Он встал. Я вскочил за ним следом.

– На сегодня всё. Документы на тебя и направление в госпиталь лежат в канцелярии. Вопросы есть, товарищ лейтенант?

– Никак нет, товарищ подполковник.

Оказавшись в госпитале, я первым делом поинтересовался у своего лечащего врача, сколько мне предстоит лежать.

– Вы куда-то торопитесь, товарищ Звягинцев? – с легкой улыбкой поинтересовался у меня Валентин Сергеевич.

У него было лицо героя-любownika с правильными чертами лица, ухоженными усиками и аккуратной прической. Еще от него излишне сильно и резко пахло одеколоном.

– Не тороплюсь, но хотелось бы знать.

– Неделю. Потом вас осмотрит психиатр, профессор Думский, и даст свое заключение.

– А раньше он меня не может осмотреть?

– У него другое место работы и очень загруженный график работы, поэтому к нам он приезжает раз в неделю, именно для таких консультаций.

– Ясно. Еще один вопрос. У вас работает врач по имени Таня. Где ее можно найти?

– Она у нас больше не работает.

– Почему? – я настойчиво и испытующе посмотрел на доктора, которому явно не хотелось отвечать на мой вопрос.

– М-м-м. . . . Ее отца осудили, – его глаза забегали, он не хотел встречаться со мной взглядом.

– Где она сейчас?

Валентин Сергеевич пожал плечами:

– Не интересовался. Извините, мне надо идти. Полно дел.

Спустя девять дней я покинул госпиталь с заключением военно-медицинской комиссии: здоров. Никаких отклонений не обнаружено. Годен к военной службе.

Выйдя за ворота госпиталя, я прищурился на солнце, вылезшее из-за тучи, и с удовольствием подумал о том, что у меня впереди две недели отпуска.

«Погода вроде неплохая. Самое время загулять, душу порадовать».

С деньгами у меня проблем не было. Только с последней экспроприации я взял около ста двадцати тысяч рублей, к тому же за последние полгода моей службы должно было накопиться прилично денег по одной простой причине: времени, чтобы их тратить, у меня просто не было. Теперь оно у меня появилось, а значит, пора начинать их тратить. Дойдя до ближайшего телефона-автомата, позвонил на квартиру Сафроновых. Мне никто не ответил. Повесил трубку.

«Костик, наверно, на своих курсах, – решил я, так как насчет Олечки даже не задавался подобным вопросом. Та жить не могла без компании, предпочитая проводить все свое время, сидя в кафе с подругами, устраивать шоп-туры по магазинам или принимать ухаживания очередного кавалера. – Может, зайти в институт? Посмотреть, кто сейчас учится».

Мысль мелькнула и почти сразу исчезла, так как институт и все связанное с ним было жизнью настоящего Кости Звягинцева, которую я честно отработывал. Только в самом начале мне было интересно, но уже к концу первого года учебы я откровенно стал тяготиться ролью студента-первокурсника. Соответствовать образу жизни советского комсомольца было нелегко, причем не из-за учебы, а политической мишуры, которая здесь называлась общественной жизнью. Для этого нужно было получить соответствующее воспитание и иметь сознание маленького, одного из миллионов, «винтика», встроенного в государственный механизм социалистического строя, а я всегда был сам по себе. Хотя я очень старался выглядеть советским студентом Костей Звягинцевым в этом мире, но жить двойной жизнью, как оказалось, делом было очень нелегким. Мне помогали выживать, сами того не зная, мои приятели: Сашка Воровский и Костик. Они стали для меня своеобразной отдушиной. Хотя оба были детьми своего времени, но при этом представляли собой самостоятельные личности, которые избежали политического зомбирования и поэтому имели свою жизненную позицию по самым спорным вопросам. Если Воровский прожил около пяти лет за границей, и ему было с чем сравнивать советскую действительность, то Костик, по причине своего разгильдяйского характера, вообще плевал на политическую сторону советского бытия. Если я сознательно отделял себя от советской жизни, то парни, сами не зная того, жили двойной жизнью, даже не подозревая, что противопоставляют себя государственной политике страны.

Я знал, придя в институт, что сразу пойдут разговоры о войне, о тех, кто погиб, и кто где воюет, вот только мне это было неинтересно, так как ребята понимали эту войну по-своему, не так как я. Да, она была моим призванием. Я не раз думал на эту тему. Почему именно мне интересно сеять вокруг себя смерть? И ведь не маньяк. Кровь понапрасну проливать не буду. Рейды, зачистки, засады – все это было, но при этом я не перешел границу, не стал убийцей, получавшим удовольствие от пролитой крови. Я умел наслаждаться жизнью в полной мере, но мне, как и наркоману, были нужны мгновения натянутых до предела нервов, кипящая от адреналина кровь, копошащийся внутри страх, придававший большую остроту... и, наконец, радость победы над врагом. На втором месте стояла достойная оплата моего тяжелого и кровавого труда, так как любой контракт рано или поздно заканчивался, и тогда начиналась полоса мирной и спокойной жизни, для которой нужны были хорошие деньги.

«Наверно, я уже родился наемником, или жизнь, найдя подходящую заготовку, выточила из меня человека войны».

Дальше подобных мыслей я так никуда и не пришел в той жизни, а сейчас я вообще об этом не думал, а просто воевал в силу своих умений и способностей. Меня далеко не все устраивало, но при этом надо было откровенно признать, что мне очень здорово повезло с Камышевым. Командир оказался не только отменным бойцом, но и настоящим человеком. Я уже не раз думал о том, что из него получился бы отличный «вольный стрелок».

«Впрочем, не о том думаю. Да и неинтересно мне с моими однокурсниками, а если честно говорить, их детские понятия о жизни меня уже задолбали. Вот с Сашкой Воровским я бы поговорил. А так...»

Я покрутил головой. Оглянулся на ворота госпиталя, из которых только что вышел, увидел во дворе белые халаты медперсонала и неожиданно вспомнил о Тане. Пока я лежал в госпитале, за это время успел познакомиться кое с кем из женщин-врачей. В разговорах мимоходом упоминал о враче Тане, с которой случайно познакомился, когда навещал здесь пару раз своего раненого командира. Одни из врачей сразу и резко уходили от разговора, дескать, ничего общего с дочерью «врага народа» они не имели, а поэтому ничего о ней не знают, да и знать не хотят. Другие жалели ее, говорили, что она добрый и отзывчивый человек, и хотя всего год работает, но показала себя, как хороший специалист, вот только не повезло ей с отцом. Именно из объяснений ее подруг мне стало известно, что девушке в какой-то мере сильно повезло. Четыре года тому назад ее отец получил назначение в столицу, а к нему – новую высокую должность в НКВД. Подруги Тани не знали подробностей, но спустя пару лет после переезда в столицу ее родители развелись, поэтому арест отца не затронул по большому счету ни его детей, ни жену. Несмотря на это, ее матери, заведующей одного из столичных магазинов, как и дочери, пришлось уволиться с работы. По собственному желанию. Затем я вспомнил о нашей неожиданной встрече два дня назад.

После нескольких сумрачных дней с постоянно морозящим дождиком, от вида которого вполне можно впасть в депрессию, неожиданно разошлись тучи и выглянуло солнце, засверкав в лужах и каплях на стеклах окон. Все ходячие больные, кто с папиросами, кто так, сразу устремились во двор. Сестры пытались загонять их в палаты, но все без толку. Правдами и неправдами те просачивались на улицу, несмотря на все угрозы и предостережения. Я тоже вышел. Сначала какое-то время стоял недалеко около главного входа и дышал сырым и свежим воздухом, временами щурясь на солнышко. Чуть позже, когда лестницу оккупировали курильщики и воздух пропитался табачным дымом, я чуть поморщился и пошел вглубь двора, осторожно обходя лужи. Остановился, оглядываясь по сторонам. Неожиданно мимо меня пробежала медсестра Маша из нашего отделения. Я уже хотел ее окликнуть, но проследив взглядом направление, не стал, а вместо этого неторопливо пошел за ней. У ворот стояла Таня. Она не сразу заметила меня, оживленно говоря с Машей, а стоило увидеть, оборвала разговор на полуслове, сердито и недовольно посмотрев на меня.

– Здравствуйте, Таня.

– Здравствуйте, – довольно сухо поздоровалась со мной девушка.

– Не хочу перебивать ваш разговор. Только один вопрос. Вы не уделите мне потом несколько минут вашего внимания?

В ее глазах появилось недоумение, но видно, для себя что-то решила, потом кивнула головой и сказала:

– Хорошо.

Я отошел в сторону метров на пять и отвернулся от продолжавших разговор девушек. Какое-то время я стоял в перекрестии любопытных взглядов раненых. Большинство из них сейчас думали обо мне, как о шустром парне, которому стоило увидеть красотку, и он сразу решил за ней приударить.

– Так что вы хотели мне сказать? – раздался голос у меня за спиной.

Я повернулся. Она смотрела на меня настороженно, но при этом с каким-то вызовом. Я усмехнулся про себя.

– Хотел сказать, что рад снова вас увидеть. Еще хотел сказать, что знаю о случившемся с вашим отцом. Сочувствую. И последнее. Как насчет того, чтобы сходить в кино и поесть мороженого, после того как меня отсюда выпишут?

Девушка, видно, ожидала от меня других слов, потому что было видно, как она растерялась.

– В кино?

– В кино, – подтвердил я. – Почему красивой девушке и молодому парню не сходить в кино? У меня будет две недели отпуска, после того, как меня выпишут из этой богадельни. Так что в любое время.

– А вы не боитесь...

– Если вы про отца, то не боюсь. Или вы о чем-то другом хотели сказать? Извините, что перебил. Так как все-таки насчет кино?

Она какое-то время растерянно смотрела на наглого парня, идущего напролом, потом улыбнулась краешками губ и сказала:

– Хорошо. Когда вас выписывают?

– Завтра меня должен принять профессор Думский, и тогда...

– Если все будет хорошо, то вас выпишут на следующий день после его осмотра. М-м-м... Тогда... сделаем так. Четверг вас устроит?

– Меня все устроит. Время и место скажите.

– Давайте... Двенадцать часов. Вот вам адрес... Все запомнили? – я кивнул головой. – До свидания.

– До свидания, Таня.

Несколько секунд смотрел вслед стройной фигурке девушки, потом повернулся и медленно пошел к главному корпусу госпиталя, провожаемый завистливыми взглядами раненых.

Все эти воспоминания быстро пронеслись у меня в памяти, затем снова улеглись на свои места.

«Все лишние мысли прочь. Думаем только о культурно-развлекательной программе на ближайшие две недели», – с этой мыслью я пошел по улице.

Найдя улицу, я стал высматривать номер нужного мне дома. Нашел. Дошел до подъезда, посмотрел на часы. До того как девушка должна спуститься, оставалось еще пятнадцать минут. Номера квартиры она мне тогда не сказала, а попросила подождать у подъезда. Я не простоял и нескольких минут, как стал накрапывать дождик.

«Совсем некстати, – с этой мыслью я шагнул в полумрак подъезда и чуть не столкнулся с выходящей на улицу парой, мужчиной и женщиной. Сделал шаг назад, и понял, что это Таня вышла с офицером. Подполковник-летчик.

– Здравствуйте, Костя, – поздоровалась она, увидев меня.

– Здравствуйте, Таня.

– Познакомьтесь. Это Вениамин Александрович.

Подполковник оказался хорошо сложенным, моложавым мужчиной лет сорока. От него сильно пахло одеколоном, словно он только что вышел из дверей парикмахерской. Выражение лица подполковника при виде меня не изменилось, но судя по выражению его глаз, в его друзьях мне точно не придется состоять. Если, конечно, прямо сейчас не попрощаюсь, а затем не развернусь и не уйду.

– Костя, – я протянул ему руку.

– Вениамин, – он попытался с силой сжать мою руку, но спустя несколько секунд почувствовав, что его ладонь словно сжали клещами, сразу ослабил хватку. Возникло некоторое напряжение. Женщины очень хорошо чувствуют подобные вещи, поэтому Таня попробовала разрядить ситуацию:

– Вы знаете, Костя, Вениамин Александрович приехал в Москву для награждения. Ему вчера в Кремле вручили звезду Героя Советского Союза. И орден Ленина.

– Поздравляю вас, – при этом я постарался изобразить на лице улыбку.

– Спасибо, – сухо ответил поклонник девушки.

В этом у меня уже не было сомнений. Его взгляды, которые он бросал на меня, которого, судя по всему, уже определил конкуренты, и на девушку, говорили о том, что подполковник ревнует.

– Мы с Костей собрались погулять. Вы не хотите пойти с нами?

– Спасибо за приглашение, но отпуск короткий, а у меня еще много дел. Все же, Таня, мне не хочется с вами прощаться, поэтому я очень надеюсь, что вы примете мое приглашение.

– Большое вам спасибо, Вениамин Александрович, но я свое решение менять не буду.

Извините.

– И все же...

– До свидания, Вениамин Александрович, мы пойдем.

– До свидания, – попрощался он, при этом обжигая меня злым взглядом.

«Старая истина права: красота женщины выбивает у мужиков мозги почище пули», – подумал я.

Мы сходили в кино, потом посидели в кафе. В разговоре с девушкой я случайно узнал, что она усиленно изучает французский язык и мечтает когда-нибудь поехать в Париж. Пришлось ее удивить знанием французского языка. Говорила она плохо, но очень старалась. Время пролетело незаметно, и уже спустя пять часов мы подходили к ее подъезду. Напротив я увидел стоящую машину. Такси. Девушка тоже ее увидела и нахмурилась. Не успели мы подойти к подъезду, как распахнулась задняя дверца такси, и из машины вышел подполковник. Краем глаза я успел заметить, что кто-то сделал попытку его удержать, но тот стряхнул руку и решительно направился к нам. Он был выпивший, но не пьян. Следом за ним из машины вылез плотный и кряжистый майор – летчик, и зашагал вслед за своим приятелем. Подполковник загородил нам дорогу. Делая вид, что меня здесь просто нет, летчик сразу обратился к девушке:

– Таня, вы простите меня за мою настойчивость, но я не мог не увидеть вас снова. Дело в том... Понимаете, как какой-то мальчишка, я похвастался перед своими боевыми товарищами, что познакомлю их с самой красивой девушкой Советского Союза, а так как я из тех людей, что раз слово дал, то это навсегда, поэтому прошу войти в мое положение и...

– Извините меня, Вениамин Александрович, но я уже вам сказала. Я не пойду.

Подполковник заводился все больше и больше.

– Не могу я принять от вас отказа, Таня! Вы...

– Идите с вашим приятелем к машине, Вениамин Александрович, и уезжайте! Очень прошу вас! И вы, Костя, тоже идите. Спасибо вам большое за урок французского языка.

Несмотря на то что у подполковника на лице читалось явное желание врезать мне в челюсть, он сумел каким-то образом сдержаться. Как-никак боевой офицер. Все же сдаваться он не желал, но только снова открыл рот, как девушка нанесла ему последний удар, расставив приоритеты своего отношения к обоим мужчинам:

– До свидания, Костя. Прощайте, Вениамин Александрович, – при этом она внимательно и пристально посмотрела на подполковника.

Тот бросил на меня свирепый взгляд, потом перевел взгляд на девушку и сказал:

– До свидания, Таня, – и развернувшись, пошел к машине.

Вслед за ним потопал майор, подарив мне напоследок злой взгляд. Таня посмотрела на меня и сказала:

– За меня не волнуйтесь, идите, – после чего вошла в подъезд.

Развернувшись, я зашагал к остановке трамвая, но не прошел и ста метров, как впереди, у тротуара, в метрах десяти, остановилось такси.

– Стой, лейтенант! Разговор есть!

Я остановился, ожидая, когда парочка приятелей вылезет из такси. Подполковник почти вплотную подошел ко мне, в то время как его приятель остановился за его спиной, в нескольких метрах от меня.

– Слушаю.

– Ты чего к ней липнешь, лейтенант?! Других баб тебе мало?! Их в Москве вон сколько!

– Ты бы ехал, подполковник, в ресторан. Там тебя дружки и водка ждут.

– Не тебе мне указывать, сосунок, что мне делать! Меня вчера лично сам товарищ Калинин наградил в Кремле!

Мне уже было понятно, что подполковник от меня так просто не отстанет, поэтому решил сократить время нашего разговора до предела. Уж очень не хотелось выслушивать оскорбления, которые в конечном счете приведут к драке.

– Ты мне надоел. Подотри радостные сопли и иди, куда шел!

– Да за эти слова! Я тебя, крыса тыловая!.. – и он попытался выхватить из кобуры пистолет.

– Веня! – раздался за спиной подполковника предупреждающий крик майора, но ревность и злоба, замешанные на водке, сделали того слепым и глухим к любым доводам.

Я был готов к подобному повороту событий, и стоило подполковнику расстегнуть кобуру, как он получил тычок пальцами в горло, после чего, захрипев, рухнул на колени. Майор, до этого ни словом, ни делом не принимавший участия в событиях, кинулся на меня с кулаками. Судя по его рывку и бешеным глазам, он сейчас напоминал тупого быка, летящего на красную тряпку. В последнюю секунду уйдя с линии атаки, я ударил его ребром ладони пониже уха. У летчика словно ноги отнялись, и он с глухим шлепком упал на мокрый тротуар. Повернувшись, я махнул рукой водителю такси, который все это время, стоя у дверцы машины, наблюдал нашу стычку с открытым ртом. Через десять минут, с помощью шофера, погрузив незадачливую парочку в такси, я пошел к трамвайной остановке.

Немногочисленные жители столицы, в большинстве своем женщины, которые видели нашу стычку, даже испугаться толком не успели. Никто не издал ни звука, ни крика. Они только тарасили большие от удивления глаза.

Я находился в кабинете начальника отдела уже минут пятнадцать, после того как доложил о драке. За это время полковник выкурил две папиросы и сейчас доставал третью из коробки. Прикурил. Затянулся, выпустил струю дыма.

– Натворил ты дел, Звягинцев. Кстати, мне уже звонили. Твоя драка в комендантскую сводку попала, а значит, прокуратура это дело без внимания не оставит. То, что ты пришел и рассказал, это правильно, но если бы ты вообще без драки обошелся, было бы еще лучше! Ведь ты не просто так вышестоящему офицеру в морду дал, а Герою Советского Союза, который получил награду из рук самого товарища Калинина. Кое-кто может преподнести это как политическую провокацию. Ты это понимаешь?

– Понимаю, товарищ полковник.

– Что мне теперь с тобой делать, лейтенант? Ведь буквально месяц тому назад мы с Камышевым о тебе говорили. Перед самым его отъездом. Хвалил он тебя. Сказал, что ты смелый, хладнокровный офицер, который никогда не теряет голову в минуты опасности... Мы даже думали со временем тебя на командира группы ставить. И старшего лейтенанта дать. Вот где было во время драки твое хладнокровие?! А?! Нет, ты мне ответь, глядя прямо в глаза?!

– Честное слово, товарищ полковник, я был совершенно спокоен. Два выпивших дурака...

– Какая разница, какие они были, лейтенант! Был бы ты при девушке, то еще можно было понять твое рукоприкладство, а так нет! Не понимаю! Ты, Звягинцев, советский комсомолец и боевой офицер! Орденоносец! Как ты мог опуститься до уличной драки?!

– Мне что, их надо было пристрелить? Или вы считаете, что надо было убежать?

– Пристрелить! Убежать! Что ты как мальчишка?! Ты что, не понимаешь, что допустил важнейшее нарушение армейской дисциплины?! Ударил вышестоящего по званию офицера!

– Так не просто так, а за дело.

Глаза полковника стали злые и жесткие.

– Товарищ лейтенант!

Я подскочил со стула и стал навтыяжку.

– За грубое нарушение воинской дисциплины – трое суток ареста!

– Есть трое суток ареста!

Полковник испытующе посмотрел на меня, но я смотрел на него честно и преданно. Мои актерские способности за эти годы значительно выросли, и теперь я, наверно, мог играть любые роли в заштатном театре какого-нибудь провинциального городка. Если он мне поверил, но только наполовину, так как был профессионалом, но когда начальник отдела продолжил говорить, то в его голосе уже не было стали:

– Сидеть будешь не на гауптвахте, а в казарме. Я отдам распоряжение, чтобы тебя там, в части, на довольствие поставили. Свободен, лейтенант!

Я не знал, что после моего ухода начальник отдела срочно попросился на прием к начальнику управления. Как и не знал, что на следующий день, ближе к вечеру, состоялся разговор, который стал новой поворотной точкой в моей судьбе.

– Товарищ комиссар, прибыл по вашему вызову, – выйдя на середину кабинета, вытянулся начальник отдела, вглядываясь в усталое лицо хозяина кабинета, при этом пытаясь понять, что он услышит. Хорошие или плохие новости его ждут?

– Садись, Степан Тимофеевич, – после того как полковник сел, хозяин кабинета тяжело вздохнул. – Тяжелый день сегодня выдался. Два совещания, а потом еще к наркому пришлось идти. Да. Да! Из-за твоего Звягинцева! Занозистый, скажу я тебе, оказался вопрос с твоим лейтенантом. Вроде бы все просто, тем более что сразу выяснилось, а затем подтвердилось, что не твой лейтенант драку начал. Вот только тот подполковник получил в Кремле самую высокую награду нашей Родины из рук товарища Калинина. И это еще не все! Он, оказывается, ходит в друзьях его сына, Василия Сталина! Как только об этом узнали некоторые излишне бдительные товарищи, то сразу попытались перевести обычную драку в акцию с политической подоплекой. Именно поэтому мне пришлось идти и лично просить товарища наркома за Звя-

гинцева. Расписал его как героя. Рассказал, что он один из всей разведгруппы уцелел и ценные сведения передал командованию, за что лейтенанта к Красному Знамени представили. Он меня выслушал, а затем спросил: почему ваши люди по Москве болтаются? У нас что, война закончилась, и больше дел нет? Я ему говорю, что лейтенант только что вышел из госпиталя, а мне в ответ, причем сердито так: раз он такой герой, то ему место на фронте, пусть там подвиги совершает. Затем, идите, говорит. Только я вышел, как в приемной мне его порученец бумагу дает. Беру, а это уже готовый приказ: в течение суток вывести лейтенанта Звягинцева из состава сотрудников Четвертого управления НКГБ и отправить в распоряжение отдела кадров Западного фронта. Вот такие дела. Ну, чего смотришь?!

– Зачем, товарищ комиссар?! Зачем опытного разведчика отправлять на передовую, если он и так рискует жизнью в тылу врага? Ведь еще неизвестно, где хуже!

– Твоя правда, вот только с ней теперь к наркому пойдешь ты сам.

Полковник покачал головой.

– Не пойду, товарищ комиссар. Вот только жаль из-за пустяка такого человека терять. Для нас такие люди на вес золота, если можно так выразиться.

– Сделать ничего не могу. Я уже отдал приказ в кадры. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ комиссар!

К концу второго дня ареста меня в спортзале нашел дневальный и сообщил, что мне надо подойти в канцелярию.

– Зачем, Коробкин?

– Сообщение у них для вас есть, товарищ лейтенант.

Сполоснулся, затем оделся и неторопливо отправился в канцелярию.

– Для вас телефонограмма, товарищ лейтенант, – вытянулся до этого сидевший за столом сержант.

– Давай.

Взял листок. Прочитал: «Лейтенанту Звягинцеву. Вам завтра надлежит прибыть в отдел кадров, к 9 утра. Начальник отдела».

«Отдел кадров? Неужели... перевод?!»

Мысли по поводу моей дальнейшей судьбы у меня были разные, но подобного варианта развития событий даже не рассматривал, почему-то считая, что начальство меня отстоит. Без излишнего самодовольства я считал себя ценным сотрудником, да и начальник отдела в своем разговоре со мной дал это понять. Вот только почему-то на следующее утро я оказался ненужным здесь человеком, о чем говорило полученное мною направление в 33-ю армию Западного фронта.

ГЛАВА 2

Над головой начальника отдела контрразведки СМЕРШ 33-й армии Западного фронта висел портрет Сталина. Полковник был не один. На одном из стульев, стоявших по другую сторону стола, сидел майор. Перед обоими стояли стаканы с чаем и раскрытая коробка с папиросами, а рядом с ней пристроилась пепельница, сделанная из гильзы снаряда. Перед начальником отдела контрразведки армии поверх других бумаг картонная папка. Это, как нетрудно было догадаться, было мое дело. Войдя, вскинул руку к козырьку фуражки.

– Товарищ полковник, лейтенант Звягинцев прибыл для продолжения службы.

– Молодец, что прибыл. Знакомся. Это старший оперуполномоченный, майор Брылов. Он твой непосредственный начальник.

Майор встал. Он был среднего роста, но при этом имел мощные плечи и широкую грудь, на которой висели орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Лет навскидку сорок – сорок три. Глаза спокойные, но при этом цепкие и внимательные. На лице шрам, переходящий с щеки на подбородок.

«Боевой дядька», – почему-то сразу подумал я.

– Степан Трофимович, – представился он, протягивая мне ладонь.

– Звягинцев Константин Кириллович.

Руки мы жали явно не для знакомства, так как, судя по силе, с которой старший оперуполномоченный сжал мою ладонь, это была своеобразная проверка. Судя по всему, Брылов подобный прием уже не раз применял, потому что полковник, явно знакомый с таким испытанием, сейчас с интересом наблюдал за мной. Рука майора была словно из железа, поэтому мне пришлось очень сильно постараться, чтобы противостоять его нажиму и не дать расплющить мне пальцы. Спустя полминуты майор отпустил мою руку, и, удовлетворенно кивнув головой, с явным удовольствием сказал полковнику:

– Ничего не скажешь, крепок-то молодец. Сколько ему годков?

Хозяин кабинета усмехнулся и, не заглядывая в мое дело, сказал:

– Двадцать.

Майор неспешно сел, достал из коробки папиросу, закурил, а полковник тем временем кивнул головой на стоящий стул, сказал:

– Садись, лейтенант. Говорить будем.

Судя по всему, эти офицеры хорошо друг друга знали, уж больно домашняя обстановка была в кабинете. Вполне возможно, что они даже были хорошими друзьями, потому что полковник был такого же возраста, что и майор, только, может, чуть постарше. Лицо интеллигентное, умное. На груди два ордена. «Красная Звезда» и «Отечественной войны».

– Рассказывай, Константин Кириллович, как ты у нас оказался. Судя по твоему делу, ты хорошо воевал, да и награды сами за себя говорят. Характеристику тебе, скажу я так, отменную дали. Просто кладезь всяческих достоинств. И вдруг – раз! – отправляют в действующую армию. Что смотришь удивленно? – полковник постучал пальцем по папке с моим делом. – Тут говорится только о том, что ты избил двух вышестоящих офицеров из-за женщины. Подполковника и майора. При чем оба, насколько можно судить по бумагам, выгораживать себя не стали и признали себя зачинщиками. Хм. Обычно такое дело кладут под сукно и забывают о нем навсегда, а от тебя решили избавиться. Так в чем там было дело, лейтенант?

– Не избивал я их. Ударил по одному разу. Это первое. Подполковник был Героем Советского Союза и получил награду в Кремле из рук товарища Калинина. Это второе. Но это вы, наверно, уже знаете, а вот то, что подполковник был другом Василия Сталина, этого в деле нет. Это третье.

Об этом мне стало известно в беседе с начальником отдела, к которому я пошел, перед тем как явиться в отдел кадров. Услышав об этом, полковник и майор переглянулись, почти одновременно ухмыльнулись, но уже в следующую секунду их лица приняли прежнее выражение.

«Точно. Друзья-приятели», – сразу подумал я.

– Теперь понятно, а то мы гадать уже начали... Хм. Раз все ясно, поговорим об основных задачах, стоящих перед войсковой контрразведкой. Они заключаются в одной фразе: всемерно оказывать помощь командованию для обеспечения победы над врагом. Более конкретные задачи вам поставит товарищ майор, а заодно расскажет о вашем новом назначении.

– Обо всем мы поговорим, лейтенант, у меня, а вот насчет твоего направления скажу прямо сейчас. Ты направляешься на должность оперуполномоченного отдела контрразведки СМЕРШ по обслуживанию 174-й отдельной армейской штрафной роты.

Снова внимательные взгляды. Как отреагирует на эти слова наглый лейтенант, избивший вышестоящих офицеров?

«Все же сумели сунуть меня в дерьмо», – с некоторой обидой подумал я, после чего как можно равнодушнее поинтересовался:

– Что это значит: по обслуживанию?

– Это значит, что ты в постоянный состав офицеров штрафной роты неходишь, а являешься прикомандированным, хотя и будешь состоять в ней на всех видах довольствия. Ясно?

– Так точно, товарищ майор.

– В твоём деле отмечено, что ты владеешь двумя языками. Немецким и французским. Как хорошо?

– Немецкий язык – в совершенстве, французский – средне, так как у меня не было хорошей языковой практики, – секунду подумав, добавил: – Немного знаю английский язык. Сам его изучал.

– Да ты у нас знаток иностранных языков. Молодец! Теперь иди к полковнику Калите Трофиму Степановичу. Он у нас главный по политчасти. Ты комсомолец?

– Так точно, товарищ майор.

– Тогда к комсору загляни... Впрочем, Трофим Степанович сам тебя направит. Когда закончишь со всеми делами, жди меня у входа. Иди.

Я вскочил.

– Разрешите идти, товарищ полковник?!

– Идите.

Помимо обстоятельного разговора с подполковником, который явно знал, как я здесь оказался, мне пришлось выслушать много всего, но в основе его речи можно было выделить жесткое предупреждение: если нечто подобное повторится, то быть мне не офицером при штрафной роте, а рядовым в этой самой роте.

– Надеюсь, товарищ лейтенант, вы меня поняли в достаточной степени?!

– Так точно, товарищ подполковник!

Разговор с секретарем комсомольской организации был слабой копией с заместителем по политической части, после чего я был направлен в отдел политпропаганды, где получил кипу листовок и газет двухдневной давности, а затем отправился на вещевой склад. Нагрузившись полученным по аттестату обмундированием, я еще минут сорок сидел в ожидании майора и все думал о том, что жизнь меня качает словно маятник, из стороны в сторону. Неожиданно вспомнил о нашем разговоре с начальником отдела, когда тот обмолвился, что за меня просили на высшем уровне, но как видно... не судьба. Плетью обуха не перешибешь.

«Ладно. Что есть, то есть. Так, что я про штрафные роты знаю? Да почти ничего. Постоянный и переменный состав. Политзаключенных не брали. Уголовники? Вроде тоже нет. А

так... Самострельщики. Дезертиры. Предатели?.. Стоп. Как я сразу не подумал. А где прежний особист? На повышение пошел или...»

– Чего пригорюнился, лейтенант?!

Я вскочил. Передо мной стоял майор Брылов.

– Горюю о своем пропавшем отпуске, товарищ майор. Из двух недель всего лишь один день отгулял.

– Сочувствую, лейтенант. И сразу вопрос: за что тебе такой роскошный подарок сделали? Я, например, за последние два года о нем только слышал, но ни разу не видел.

– Удалось как-то живым вернуться из немецкого тыла. Ну и начальство на радостях наградило и дало отпуск.

– Так за это тебе «Красное Знамя» дали?

– Так точно.

– Хм. Пошли к госпиталю. Там полуторка нас ждет.

По дороге в госпиталь он мне рассказал, что уже неделю на их участке фронта не ведется никаких военных действий, что штрафная рота расположена в полуразвалившемся кирпичном заводике на окраине небольшого городка, и ее командир, капитан Чистяков, в общем, неплохой мужик.

В расположение дивизии мы поехали на полуторке, которая везла медикаменты и перевязочные материалы. Майор, как и положено большому начальнику, сидел в кабине, а мы со старшиной медицинской службы – в кузове. Когда машина остановилась, я спрыгнул, после чего старшина передал мне мои пожитки.

– Сейчас пойдем ко мне. Поужинаем. Чаю попьем. К себе завтра с утра пойдешь. Вернее, поедешь, – майор иронически оглядел все мои вещи, – а то, не дай бог, надорвешься. Заодно со старшим лейтенантом Васиным познакомлю. Через него шло формирование штрафников. Хоть молодой парень, да толковый, глядишь, чего и подскажет.

Мы уже пили чай, когда пришел старший лейтенант. Лет двадцать пять. Подтянутый, стройный, жилистый. Лицо серьезное. На груди две медали «За боевые заслуги».

Четко, по уставу, кинул руку к фуражке:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– И тебе не хворать. Садись, Саша. Чай будешь? – по-домашнему встретил его Брылов.

– Спасибо, Степан Трофимович. Только чуть позже. Я так понимаю, что нового товарища надо в курс дела ввести?

– Правильно понимаешь, товарищ старший лейтенант. Знакомьтесь.

Я встал, протянул руку:

– Костя.

– Саша. И чего тебе, Костя, в Москве не сиделось? – спросил как бы просто так, а в глазах любопытство так и плещет.

– Меня просто попросили сюда приехать. Сказали, что товарищ Васин с работой не справляется. Надо ему срочно помочь. Я что? Надо, значит сделаем. Вот и приехал, – я сказал это с таким серьезным видом, что Васин невольно бросил взгляд на майора, а когда увидел на его лице улыбку, понял и расхохотался.

– Шутник.

Посмеялись, после чего Брылов сказал:

– Теперь по делу говорить будем. Начну я.

То, что он рассказал, мне совершенно не понравилось. Как оказалось, моей основной задачей была вербовка стукачей. На роту, по его словам, на основе полученного опыта по вербовке, мне должно хватить десятка информаторов, но чем больше удастся их нанять, тем будет лучше для дела. Правда, тут же отметил он, главное не переборщить, выслушивая доносы.

– Нельзя сразу верить тому, что тебе говорят, а поэтому надо обязательно проверять сказанное по другим источникам. Это будет твоей первоочередной задачей, Звягинцев. Если ты будешь знать, что думают солдаты, то тогда сможешь вовремя пресечь противоправные действия. Теперь второе. Не сторонись, общайся с людьми. Говори с ними, интересуйся их делами. Хоть за ними и вина большая есть, но они наши, советские люди, так что помни об этом всегда, лейтенант. Еще вот что. У тебя там особый, тяжелый народ, поэтому спуску не давай, но при этом соблюдай меру. Понимаешь?

– Иначе могут в спину выстрелить?

– Соображаешь. Было и такое. Теперь третье. Это членовредительство. К сожалению, «самострелы» у нас, пусть не так часто, но встречаются, поэтому после боя ты лично должен осмотреть раненых. В основном это касается ранений в конечности. Так что только после твоего заключения врачам разрешается обеззараживать раны и накладывать повязки.

– Хорошо хоть, в задницу заглядывать не придется.

Васин рассмеялся, а майор усмехнулся краями губ, но глаза остались строгие, тем самым говоря, что шутку он принял, но сейчас не дружеские посиделки, а служебный разговор.

– Отставить смешки. Старший лейтенант, поясните своему товарищу, что ему надо знать о переменном составе штрафной роты.

Старлей оказался внимательным, дотошным и цепким к мелочам контрразведчиком, при этом он умел коротко и четко обрисовать характер человека. Так я узнал, что большая часть штрафников прибыли из различных армейских частей Западного фронта. По большей части они попали сюда из-за пьянок и драк, по меньшей части – за воровство и трусость. Среди них оказалось четверо разведчиков. Трое из них не смогли вытащить из «поиска» своих убитых и раненых товарищей и поэтому пошли под трибунал.

– А один разведчик, старшина Самохвалов, попал под трибунал за то, что его послали в тыл, получать «наркомовские». Получил тот канистру с водкой, а на обратном пути заглянул к знакомой санитарке из медсанбата. Пока они там шуры-муры разводили, канистру кто-то и увел. Должностное преступление налицо, но при этом Самохвалов разведчик заслуженный, «языков» не раз притаскивал, награды имеет. По этому случаю даже специальное заседание трибунала состоялось: лишать его орденов или их оставить? Решили оставить. Или взять Сошкина Илью Трофимовича. 49 лет. Колхозник. Служил в обозе артиллерийской бригады. Стоял на посту и, видно, задремал, а какая-то паскуда взяла и свела коня. Есть еще в роте полтора десятка узбеков из 97-го стрелкового полка. Когда их подняли в атаку, они просто попадали на землю, руками головы закрыли – и все! Как их ни пытались поднять, пинками и угрозами, ничего не получилось. Командир полка, недолго думая, прислал всех к нам. Есть еще бывший курсант авиационного училища Кузькин Максим. Пока учился, все эти полгода воровал у своих ребят, пока эту суку за руку не поймали. Из особого дерьма – пяток воров и с десятков дезертиров. У меня на них всех бумаги есть. Там все расписано. Фамилия, краткие данные и состав преступления. Завтра поедешь, я тебе ее отдам. М-м-м... В общем и целом – это всё.

Свое отношение к будущей службе я мысленно выразил одним словом: дерьмо!

– Спасибо, – поблагодарил я Васина, а сам подумал, что мне надо отсюда делать ноги. Вот только, как и куда, об этом надо было хорошо подумать.

– Тут вот еще какое дело, Костя, – снова заговорил майор. – Ваша штрафная рота через трое суток уйдет на передовую, так что времени на знакомство у тебя в обрез. Командир роты – хороший мужик. Фронтового, как и пехотного, опыта у тебя с гулькин нос, поэтому первое время держись его и понапрасну не геройствуй. А то был тут до тебя один... Николай Ястребков. Молодой, горячий, вот его и потянуло на подвиг. Один из взводных погиб в самом начале атаки, так он людей возглавил и получил... две пули в живот. Еще живого в госпиталь привезли. Уже там умер, на операционном столе.

– Какой из меня герой, товарищ майор...

– А ордена и медали за что тогда получил? – перебил меня Васин, усмехаясь. – За красивые глаза?

– Да я даже не знаю. Может, и за красивые глаза. Я же все это время в тылу отсиживался.

– Как в тылу?! – старший лейтенант резко повернул голову к майору. – Вы же мне сами сказали, Степан Трофимович, что присылают боевого офицера!

У того сначала губы задергались от смеха, потом он не удержался и рассмеялся во весь голос.

– Он... правду... Ха-ха-ха! Говорит... Только он... в немецком тылу сидел! Ха-ха-ха!

Не успел я прибыть в расположение и доложить командиру роты, как тот меня с ходу огорошил:

– Вовремя прибыли, лейтенант. Мы уже завтра выступаем. Чистяков Николай Васильевич.

– Звягинцев. Константин. Уже завтра? Мне сказали, что через трое суток...

– Вчера вечером я тоже так думал. Что у вас за тюк?

– В политотделе дали. Листовки и газеты.

– Замполиту Семечкину отдадите. Он сейчас придет. Садитесь. Расскажите о себе.

Во время моего короткого рассказа капитан несколько раз кивал головой, словно отмечал наиболее важные для себя детали. Так оно и было на самом деле.

– Вот что я скажу тебе, лейтенант. Фронтового опыта у тебя нет, да тебе он вроде как и не нужен. В атаку тебе не ходить, а вот с людьми постарайся найти общий язык. Это тебе необходимо, поверь мне. Народ у нас тут разный, дерганный и резкий, с пол-оборота завестись может, поэтому гайки закручивай по всей строгости, но только не сорви резьбу. Помни постоянно, что они наши советские люди, которым Родина дала еще одну возможность искупить свою вину. Кровью. А кому и смертью. Ты, в первую очередь, об этом должен помнить. Жаль, что времени у тебя на знакомство с людьми совсем нет, а с другой стороны и хорошо! Никто на тебя зла не затаит. Вот вроде и все. Штрафники сейчас на занятиях, а вечером построение будет, я им тогда тебя и представлю.

– Я тут кое-что для знакомства захватил. Вы как?

– Узнаю руку Степана Тимофеевича, – усмехнулся капитан. – Вот где настоящий мужик! Кстати, он родом из сибирских казаков. Не знал? А насчет застолья придется погодить... Хотя у тебя что, водка или самогон?

– Водка.

– Тогда ничего. Тогда можно.

С офицерами роты, за исключением политработника – старшего лейтенанта, которому передал агитационную литературу, я познакомился только вечером, когда они вернулись с учебных занятий, проводимых с солдатами. Все командиры были молодыми парнями, правда, в большинстве своем успевшими прослужить кто полгода, кто год. Из необстрелянных было только два младших лейтенанта, выпускников ускоренной школы командиров. Саша Капустин и Вася Сысоев, прибывшие в часть неделю назад, купились на льготы, которые им пообещали по прибытии в дивизию. Один месяц службы – за шесть (в обычных строевых частях месяц – за три), двойной денежный оклад, досрочное присвоение званий и много всего другого. Сначала разговор крутился вокруг меня и моих наград, потом, когда приняли по третьей, перешел на женщин, а уже затем все принялись обсуждать самую животрепещущую для них тему. Куда их бросят?

Мне кое-что уже было известно о положении, в котором находились войска Западного фронта. Несколько сорванных наступлений и понесенные при этом большие потери говорили о многом, а значит, и о том, что мест, где надо выправлять положение, много. Именно поэтому, сидя за столом, разомлевшие от водки офицеры сейчас говорили (гадали) о том, куда нас

пошлют. Направлений было столько, что даже опытный командир роты Чистяков не знал, куда их бросят, хотя при этом большинство из них почему-то было уверено, что нас бросят на штурм большого села. Синявино. Именно там фрицы за последние три дня уже две атаки наших войск отбили. Мы бы сидели и дальше, благо у лейтенанта Овсянникова оказался в заначке спирт, но командир разогнал всех спать.

Трещали подброшенные поленья в печках-буржуйках, и едва было слышно, как шумели на ветру сосны. В офицерском бараке установилась тишина. Несмотря на выпитую водку и усталость, сразу заснуть мне не удалось. Не нравилось мне мое положение – и все тут! До этого времени моя жизнь в большей или меньшей степени меня устраивала. Работа в группе Камышева давала определенную свободу действий и возможность проявить инициативу, да и методы ведения войны были несколько схожи с теми, что мне пришлось вести в свою бытность наемником. К тому же война не напрягала, так как была для меня своего рода работой, которую я знал и умел хорошо и качественно выполнять. Еще мне здорово повезло с командиром, который, в отличие от многих других офицеров, был самым настоящим профи, успевшим повоевать в Испании и Финляндии. Вот только все разом поменялось, и я оказался на передовой, причем вынужденный заниматься не своим делом. Хотя некоторые товарищи считали, что я еще хорошо отделался, мне самому так не казалось. Устав никто не отменял, но отправлять профессионала на фронт, а я считал себя таким, было то же самое, что забивать микроскопом гвозди. Обычно я держал эмоции в узде, но теперь чувствовал, что сложившаяся ситуация больно ударила по моему самолюбию.

«В принципе, со мной сейчас сделали то же самое, что и с нашей группой. Если там нас, профи, послали на смерть под видом совершаемого подвига, то теперь из меня хотят сделать... нечто вроде... ассенизатора при куче отбросов. Обидеть меня нелегко, а вот разозлить... А! Как был чужим среди своих, так им и остался. Ладно, сначала осмотримся, а потом буду решать, что делать».

Хотя хмурые, черно-серые тучи висели прямо над головой, дождя не было. Не выпавшийся, так как не мог долго заснуть, я стоял и смотрел на штрафников, ежившихся на сыром и холодном ветру, при этом ловя на себе их ответные взгляды.

– Строиться!!!

После команды штрафники наспех делали по две-три короткие и быстрые затяжки, и торопливо становились в строй, возбужденно перешептываясь, гадая о том, куда их пошлют.

– Отставить разговоры! – послышалась команда.

Спустя десять минут капитан Чистяков, получив рапорты командиров подразделений об их готовности, подал отрывистую команду:

– Справа по четыре! Вперед – марш!

Колонна тронулась. Обогнув развалины кирпичного заводика, рота вышла на залитую жидкой грязью проселочную дорогу. Все время нас гнали ускоренным маршем, и только дважды были сделаны короткие остановки. Люди шли, оскальзываясь в жидкой грязи, тихо чертыхались, а когда ударил проливной дождь, уже я принялся материться. Про себя. Когда мы прибыли на место, многие штрафники, особенно люди в возрасте, после команды «Стоять!» просто садились на мокрую землю, хрипя и тяжело дыша. Не успел я оглядеться по сторонам, как увидел, что в сгущающихся сумерках к нам со стороны барачных корпусов идет группа людей. Только когда они подошли поближе, стало видно, что это два офицера и несколько сержантов. К ним навстречу сразу пошел наш капитан, а после короткого разговора, повернувшись, скомандовал:

– Командирам подразделений развести людей по землянкам, после чего собраться в штабном бараке! Лейтенант Звягинцев, идите сюда!

Сержанты-квартиреры, не теряя времени, повели подразделения штрафников к месту их расположения. Как мне потом стало известно: с жильем нам сильно повезло. Оказалось, что

до недавнего времени эти землянки занимала войсковая часть, два дня тому назад ушедшая на передовую. В чахлах мелколесье и кустарниках по обе стороны дороги прятались рубленые служебные бараки и добротные солдатские землянки, которые теперь использовались для размещения подтягивавшихся к фронту подразделений.

Я подошел к офицерам. Майор и капитан. Только я кинул ладонь к фуражке, как майор заговорил первый, не дав мне отрапортовать:

– Костромин, забирай своего лейтенанта, а я с командиром роты – в штаб.

Перед входом в барак мне была вручена длинная щетка, которой я счистил со своих сапог полкилограмма жидкой грязи, после чего капитан показал мне на стену, где была прибитая доска с крючками. Вешалка. С большим удовольствием снял вслед за хозяином тяжелую, отсыревшую шинель и повесил ее на крючок. Только успел развернуться, как наткнулся на удивленный взгляд и неожиданный вопрос:

– Тебя откуда перевели к нам, лейтенант?

– Четвертое управление НКГБ.

– М-м-м... И каким ветром такого героя-орденоносца к нам занесло?

– Попутным, товарищ капитан.

Тот покачал головой:

– Ну-ну. Значит, я так понимаю, в нашем деле ты ни ухом, ни рылом. Курсы?

– Нет. Прямо направили в действующую армию, а затем в штрафную роту.

– Я так понимаю, что ты по немецким тылам ходил.

– Вроде того, – неопределенно ответил я.

– Понятно. Тебя хоть немного просветили, чем заниматься будешь?

– Со мной беседовали майор Брылов и старший лейтенант Васин.

– Тогда будем считать, что курсы переподготовки ты прошел. Я так понимаю, что немецкий язык ты знаешь?

– Знаю.

Капитан задумался, потом вскинул на меня глаза, словно впервые увидел:

– О, черт! Не представился. Заместитель начальника контрразведывательного отдела дивизии. Костромин Сергей Васильевич.

– Звягинцев Константин Кириллович.

– Садись, лейтенант. Сейчас чай пить будем и разговоры разговаривать.

С наслаждением сел, радуясь теплу и сухости. Хозяин быстро залил заварку горячим кипятком, придвинул один из стаканов мне, потом достал из стола блюдечко с колотым сахаром и две пачки печенья, после чего крикнул:

– Коломиец!

Дверь открылась, и на пороге вырос солдат.

– Ужин тащи лейтенанту.

– Есть!

Спустя несколько минут передо мной стояла полная миска каши с тушенкой и толстый ломоть хлеба. При виде еды я чуть слюной не захлебнулся. Капитан чуть улыбнулся, увидев, с какой скоростью я замахал ложкой, после чего сказал:

– Ты ешь-ешь, а я тебе пока про обстановку расскажу.

Когда он закончил краткий рассказ, начиная с нюансов моей новой службы и кончая положением на фронте, я все съел, допил чай с печеньем и стал чувствовать себя, если можно так сказать, довольным жизнью человеком.

– То, что ты прямо сейчас прибыл, это хорошо. Надо оформить передачу трех твоих штрафников в дивизионную разведку, под ответственность начальника дивизионной разведки, майора Ершова.

– Разве так можно? – удивился я.

– Нет. Но... Лучше я тебе все расскажу, меньше вопросов будет. Ершов у нас язвенник. Ну и скрутило его недавно, попал в госпиталь. А его заместитель, бывший штабной офицер, в свое время окончил курсы переподготовки и был направлен к нему замом, остался за него. Именно он отправлял разведчиков в поиск, которые потом у тебя в штрафной роте оказались. Когда поиск сорвался, он испугался, взял и бумагу на разведчиков накатал. Дескать, они виноваты, товарищей на нейтралке бросили, а сами сбежали. Дело у следователя вопросов не вызвало, так как разведчики свою вину признали, и поэтому их сразу сунули в штрафную роту. Через несколько дней Ершов вернулся в дивизию. Узнал про эту историю, первым делом набил морду своему заместителю, потом попробовал вернуть своих разведчиков. Вот только у нас вход – копейка, а выход – рубль. Может, этим дело и закончилось бы, только вот наше командование готовит наступление, а у немцев неожиданно были замечены какие-то хитрые перемещения в тылу. Срочно понадобился «язык», причем не унтер с передовой, а офицер из штаба. Узнав об этом, майор Ершов пошел к комдиву с рапортом, в котором сказано: дескать, «языка» с него требуют, а в поиск отправлять некого, так как трое его самых опытных разведчиков сейчас находятся в штрафной роте. На его счастье, в это время в штабе находился член военного совета фронта, прибывший к нам с инспекцией. Узнав об этом, он дал разрешение: взять трех штрафников-разведчиков в поиск, а если сумеют притащить нужного «языка», то это дело им зачесть и вернуть в свою часть.

– Ясно. Так что за бумагу писать нужно?

– Да я уже написал. Тебе осталось только переписать своим почерком и подпись поставить. Теперь следующее. Знай, что ответственность, если что-то пойдет не так, ляжет на всех.

– Почему?! За них теперь майор Ершов будет отвечать.

– Да потому что есть особый циркуляр, согласно которому отправлять штрафников в тыл врага категорически запрещено. Вдруг сбегут? Кто отвечать будет? В первую очередь, конечно, майор Ершов, но при этом нас с тобой точно не забудут.

– Так вроде все согласовано наверху? Или я что-то не понимаю?

– Похоже, не понимаешь. Если эти трое не вернуться, то майор Ершов первым пойдет под трибунал, но следователи, которые будут заниматься этим делом, обязательно спросят меня: если вы знали про циркуляр, то почему допустили подобное? Как вы, опытный контрразведчик, не сумели разглядеть в них врагов? И так далее. То же самое ждет тебя, лейтенант. Те же вопросы. Так что ты уже сейчас думай, как на них отвечать будешь.

«Интересное дело, получается...» – но додумать мне не дала неожиданно открывшаяся дверь.

В комнату вошел подполковник. Капитан нахмурился, но уже в следующую секунду вскочил, вытянулся, а за ним следом я стал по стойке «смирно». Судя по застывшему лицу капитана, гость был незваный и... опасный.

– Товарищ подполковник... – начал докладывать он, но сразу был остановлен небрежным жестом, после чего тот прошел к столу, на ходу осмотрелся, потом прошелся быстрым и цепким взглядом по капитану, а потом по мне. Неожиданно взгляд задержался на моих наградах, при этом что-то мелькнуло в его глазах. В свою очередь, я насколько мог, попробовал проанализировать его личность. Лет сорок. Подтянутый, плечистый. Лицо каменное, глаза холодные, ничего не выражающие, словно у змеи. Его уверенность говорила о больших полномочиях. Вывод: опасный во всех отношениях человек.

Подполковник повернулся к хозяину кабинета, достал красное удостоверение СМЕРШ.

– Подполковник Быков. Из ОКР наркомата внутренних дел. Вам, капитан, должны были обо мне доложить!

– Так точно, товарищ подполковник! Получил приказ оказывать вам всяческую помощь!

– Вот и хорошо. А вы кто? – вдруг неожиданно повернув ко мне голову, спросил меня подполковник.

– Лейтенант Звягинцев. Назначен оперуполномоченным ОКР СМЕРШ в отдельную армейскую штрафную роту.

– Орден Красного Знамени за что получил?

– За успешное выполнение боевого задания в тылу противника! – отчеканил я.

– Четвертое управление?

– Так точно!

– Когда прибыли в расположение дивизии?

– Вместе со штрафной ротой, товарищ подполковник. Час назад.

– Свободны, лейтенант!

– Есть!

Натянув сырую шинель, я вышел под моросящий дождик в кромешную темноту. С трудом нашел барак, который определили для офицеров штрафной роты. К моей большой радости, в нем было так же сухо и тепло, как у капитана-контрразведчика. По углам стояли две печки-буржуйки, раскаленные докрасна, а в шаге от двери лежали заготовленные дрова, сложенные в небольшую поленницу. Парни, собравшись в группу, сейчас что-то оживленно обсуждали. Стоило им увидеть меня, как раздалась веселые возгласы. Только успел снять шинель и отчистить от грязи сапоги, как вспомнил, что не забрал бумагу, которую мне надо переписать.

«Хрен с ним! Всё завтра!»

– Звягинцев! Костя! Есть новости?! Чего тебе твое начальство сказала?!

Я присел на топчан, сделал серьезное лицо и сказал:

– Трех штрафников, которые разведчики, переводят обратно в разведку.

Если на остальных лицах проступило явное удивление, то командир роты только усмехнулся. Он, похоже, уже эту новость знал, но промолчал. Не его это дело, понятно. Сразу посыпались вопросы, на которые я быстро ответил, затем спросил сам:

– А у вас какие новости?

У парней было две новости. Штурмовать рота будет поселок Синявино, как они и раньше думали. Меня удивило только одно: им в смертельный бой идти, а они радуются этой новости, но спустя какое-то время понял, что не новости радуются, а какой-то непонятой мной определенности в их судьбе.

«Какая вам, к черту, разница, где вас убьют. Под Синявино или какой-нибудь другой деревне».

Зато вторая новость стала для меня неожиданностью, хотя бы потому, что в первую очередь ее было положено знать мне по роду службы, а не офицерам штрафной роты. Оказывается, прошедшей ночью был вырезан передовой дозор. Следы двух человек от окопов вели на нейтральную полосу, в сторону немцев.

«Хм. Теперь понятно, почему здесь появился подполковник из ОКР. Но зачем присылать человека из Москвы? Своих, что ли, мало? Или это дело... не их масштаба. Как-то слишком быстро он здесь появился, словно по их следам шел. М-м-м... Значит, произошло что-то крайне важное. Впрочем, не буду себе этим голову забивать. Не мое это дело. Не мое».

Вскоре усталость взяла свое, и я заснул почти сразу, как только голова коснулась изголовья топчана. Вот только выспаться всласть мне не дали, так как я очнулся от того, что меня кто-то тряс за плечо и тихонько бубнил одно и то же:

– Товарищ лейтенант. Товарищ лейтенант. Товарищ...

Открыл глаза. Передо мной стоял Коломиец, ординарец капитана-контрразведчика, с фонариком в руке.

– Здесь я, – зло буркнул я. – Чего надо?

– Вас капитан Костромин к себе требуют.

– Сколько времени?

– Около часа ночи.

Я матерно выругался, правда, про себя. Сел, после чего натянул сапоги, надел так и не просохшую шинель, после чего вышел вслед за солдатом в сырую и холодную темень. Пока мы шли, с меня слетели остатки сна, после чего я стал анализировать неожиданный и срочный вызов. Так как меня здесь знали считанные люди, то я остановился на подполковнике из Москвы, из-за его непонятного внимания к простому лейтенанту. Не постучавшись, толкнул дверь, но стоило мне переступить порог, как понял, что мои предположения оправдались на сто процентов. Капитана не было, а за его столом сидел подполковник Быков. Напротив него оседлал табурет незнакомый мне старший лейтенант с тонкой папочкой в руке. Оба в упор смотрели на меня.

– Товарищ подполковник...

– Проходи, лейтенант. Времени нет, поэтому перейдем сразу к делу. Садись.

Я сел на свободную табуретку.

– Ты знаешь, что прошлой ночью двое предателей ушли к немцам?

– Так точно. Знаю.

– Их надо найти.

Его слова заставили меня лихорадочно просчитывать неожиданное задание, которое мне собрались поручить.

«Найти! Легко сказать. А как это сделать? И почему я? Впрочем, чего гадать? Посмотрим, что он дальше скажет».

Подполковник, видимо, ожидал моего удивления и вопросов, которыми я его должен был засыпать, но, не дождавшись, невольно переглянулся со старшим лейтенантом и снова посмотрел на меня.

– Вы не удивлены?

– Удивлен. Просто жду объяснений.

– Ваша выдержка соответствует данной вам характеристике по прежнему месту службы. Очень хорошо. То, что вам будет поручено, является важной государственной тайной. Я прибыл сюда по личному распоряжению наркома внутренних дел товарища Берии, – этими словами он предупредил меня, что я теперь буду делать только то, что он прикажет, и это без каких-либо возражений. – Мошкин.

Старший лейтенант открыл папку, достал лист бумаги и, ни слова не говоря, протянул мне. Я быстро пробежал глазами текст. Это была подписка о неразглашении государственной тайны, в конце которой стояла сноска, говорившая о том, что если я нарушу запрет, то меня поставят к стенке. Когда я подписал бумагу и положил перед ним, взгляд у подполковника Быкова, которым он смотрел на меня, был холодный, безразличный и смертельно опасный. Такой бывает взгляд у снайпера, глядящего на цель через оптический прицел.

Вдруг в дверь постучали, после чего на пороге появился незнакомый мне человек в масках и халате.

– Товарищ подполковник...

– Проходи. Знакомься. Вот с ним в тыл пойдешь.

Незнакомец был крепок и широк в плечах. Взгляд внимательно-изучающий. Подошел ко мне. Я встал.

– Василий.

– Костя, – в тон ему ответил я.

Мужчина усмехнулся, потом бросил взгляд на подполковника. Тот коротко бросил:

– Садись. Мошкин.

Старший лейтенант достал из папки две фотографии и подал мне.

– Это фотографии предателей. Смотрите и запоминайте, – впервые я услышал голос старшего лейтенанта.

– Запомнил, – но только успел отдать фото, как он мне вручил еще одну фотографию. С нее на меня смотрел полковник немецкой армии.

– Это полковник абвера Густав фон Клюге, – прокомментировал этот снимок уже подполковник. – Именно с ним предатели должны встретиться. Теперь о задаче, которая перед вами стоит, лейтенант. Вам необходимо сопровождать и выполнять приказы товарища Василия. На все время задания он становится вашим командиром.

– Приказ понял, товарищ подполковник.

– Прямо сейчас вас переправят через линию фронта. Что вам нужно?

– Немецкая форма и соответствующие документы. Товарищ Василий знает немецкий язык?

– Знает. Идите. Вас проводят.

За дверью меня ждал незнакомый мне сержант, который уверенно повел меня в темноте по липкой, жидкой грязи, которую я уже начинал ненавидеть. Спустя час, переодетый в немецкую форму и маскхалат, с немецким автоматом за спиной, я вместе с товарищем Василием стоял в траншее рядом с группой разведчиков. Кроме них был командир роты Сапелов и начальник дивизионной разведки майор Ершов. С ними меня познакомил капитан Костромин, стоявший вместе с ними, а вот Быкова среди них не было, зато был старший лейтенант Мошкин. Командир разведчиков, который, так же как и я, получил неожиданный приказ: умереть, но доставить этих двух человек в тыл фрицам живыми и невредимыми, был излишне напряжен. Его можно было понять. Просто так, без подготовки, взять и перевести людей через нейтральную полосу. Подойдя к нам, он сразу спросил:

– В поиск раньше ходили?

Мы оба покачали головой. Нет. Не ходили. Было видно по его глазам, что наши ответы не сильно порадовали офицера-разведчика.

– Ладно, – сердито процедил он сквозь зубы. – Тогда скажу вам одно: слушать мои приказы беспрекословно. Выступаем.

Переход через нейтральную полосу был для меня не в новинку, но все это касалось только сознания, а не тела, которое автоматически напрягалось, стоило взлететь осветительной ракете или немецкому пулемету дать отрывистую, лающую очередь. Все это заставляло меня вжиматься в мокрую землю и дрожать каждым нервом от холодного и липкого внутреннего страха, накатывающего каждый раз. В какой-то момент немцы то ли заметили нас, то ли это была случайная очередь немецкого пулеметчика, но она достигла цели. Непроизвольный вскрик получившего пулю разведчика сделал свое дело. В небо полетели осветительные ракеты.

– Назад! Уходите! – закричал нам офицер-разведчик. – Мы прикроем!

Мы, не раздумывая ни секунды, кинулись бежать. Немцы, сосредоточив огонь на разведчиках, не сразу поняли, что от группы отделились два человека, которые сейчас бегут к своим траншеям. Именно эта минута или полторы дала нам возможность избежать пули в спину. Разведчикам повезло намного меньше. Как я узнал позже, из шести разведчиков только двое, раненые, приползли к нашим окопам спустя два часа, остальные остались лежать на нейтральной полосе. Не успел я оказаться в окопе, как меня и товарища Василия сразу потащили по ходу сообщения, уводя из опасной зоны. Пули то и дело свистели над нашими головами, а спустя еще десять минут мы сидели в блиндаже командира роты. Начальника дивизионной разведки здесь не было, зато был один из тех, кто организовал эту авантюру. Старший лейтенант Мошкин.

– Как вы? – спросил он.

Я пожал плечами, а товарищ Василий ответил вопросом на вопрос:

– Быков знает?

– Так точно. Он ждет у себя, а вас, лейтенант, мне приказано определить на ночлег, до особого распоряжения товарища подполковника.

«Это понятно. Меня, как хранителя военной тайны, сейчас фиг куда выпустят. При себе держать будут».

– Мне надо переодеться.

– У меня приказ. Идемте.

– Полковник, вы допустили непростительную ошибку! Вы должны были взять этих людей! Взять сразу, как только они покинут Москву! Что вы можете сказать в свое оправдание?! – хозяин кабинета уперся бешеным взглядом в своего подчиненного.

– То, что говорил раньше, товарищ комиссар! У нас в управлении сидит предатель! Они были предупреждены, после чего поменяли маршрут. К тому же их вели люди Берии. Столкновение с ними сразу бы нас выдало.

– Люди Берии? Вы мне об этом не докладывали. Почему?

– Только вчера мне стало это окончательно ясно, товарищ комиссар! Потом надо было проверить, так ли это. В этом деле нам нельзя ошибаться.

– Да! Ошибаться нельзя! Но и времени у нас нет! Если хотя бы часть документов... Ты что, не понимаешь, что произойдет, если всплывут эти документы! Не понимаешь, да?! В самый разгар войны!

– Прекрасно все понимаю, товарищ комиссар, вот только спешка ни к чему хорошему не приведет. К тому же не мы одни в таком подвешенном состоянии.

– В подвешенном состоянии? Как ты изящно выразился! Да нас не только подвешат, но и распнут, как того Христа!

Хозяин кабинета, находясь в крайнем возбуждении, сначала резко вскочил, но спустя секунду снова сел, наклонился, задвигал ящиками стола, затем поставил на столешницу початую бутылку коньяка и стакан. Набулькал сначала половину стакана, секунду подумал и долил, потом взял стакан и одним махом опрокинул себе в рот. Пару минут сидел, потом поднял глаза на своего заместителя:

– Коротко расскажи мне, как обстоят дела на сегодняшний день.

– Я думаю, что ни американцы, ни англичане архива не получают. Те, у кого сейчас архив, предложили бумаги американцам, видимо, только с одним расчетом: узнать его цену. Они прекрасно знали, что сделку им до конца не довести, так как каждый посольский работник у нас под строгим надзором. Еще один шаг – и они бы засветились, и они решили затаиться, а теперь вот снова выплыли, но уже в связи с немецкой разведкой. Этот вариант был нами просчитан, хотя, честно говоря, я в него не сильно верил, но судя по всему, немцы сумели им предложить столько, что те откинули всякий страх. К этому могу еще добавить следующее. Люди Берии активно занимаются этим делом и идут на шаг впереди нас. Не сегодня, так завтра к этому делу подключится контрразведка. Переход, а затем прибытие людей Берии – все это было у них на виду, поэтому обязательно заинтересуются.

– У Берии кто этим вопросом занимается?

– Подполковник Быков.

– И как у них дела?

– Собирались отправить в тыл к немцам по горячим следам майора Васильева, доверенное лицо Быкова, и лейтенанта Звягинцева. Он наш бывший сотрудник. Но судя по последним данным, заброска в тыл по горячим следам им не удалась.

– Этот Звягинцев, он что теперь... – хозяин кабинета сделал многозначительную паузу.

– Нет, товарищ комиссар, не переметнулся. Насколько я могу судить о сложившейся ситуации, лейтенант оказался там чисто случайно. Его как оперуполномоченного СМЕРШа придали штрафной роте.

– За что? – лаконично спросил хозяин кабинета.

– Набил морды подполковнику и майору. Судя по полученным сведениям, лейтенант прирожденный диверсант и разведчик, только поэтому его не отправили рядовым в штрафную роту.

– Хм. Мы его можем использовать?

– Скорее нет, чем да. Вполне возможно, что он обижен на свой перевод. Парень молодой, к тому же, судя по его характеристике, у него независимый и упрямый характер, при этом хладнокровен, не теряет головы в опасных ситуациях, не боится крови.

– Да-а, – задумчиво протянул хозяин кабинета, – так мы и теряем специалистов, а потом кричим, что нет профессионалов. Ладно. Что мы можем сделать, чтобы повернуть ситуацию в свою сторону?

– У нас сейчас осталось две зацепки, товарищ комиссар. Вычислить предателя у нас в управлении и попробовать действовать через него. Еще можно попробовать через штаб партизанского движения связаться с партизанским отрядом... Хотя нет. Так мы проявим себя.

Комиссар задумался. Может, плюнуть на все и выйти из игры? Еще не поздно. Вот только он твердо знал, что под него копают. Причем давно и глубоко. Исчезновение двух его агентов говорило о многом, зато если он найдет и представит хоть часть этого архива Сталину, то ему никакие враги будут не страшны.

«Правда, есть и другой вариант. Меня очень быстро уберут. Но кто мне мешает в этом случае подстраховаться?»

– Ищи крысу! Даю добро на ВСЕ твои действия! Ты меня понял?!

– Так точно, товарищ комиссар!

ГЛАВА 3

Немецкая разведка не зря ела свой хлеб. Сначала немецкая артиллерия довольно точно ударила по дальним объектам – танковому корпусу и двум пехотным дивизиям, которые были сосредоточены в ближнем тылу для прорыва, нанеся технике и человеческому составу армейских частей серьезные потери, после чего стала основательно перепахивать две передние линии обороны. Здесь к пушкам присоединились минометы, после чего немецкая пехота, под прикрытием танков и бронетранспортеров, кинулись в атаку, и вскоре в первой линии траншей закипел рукопашный бой, который продолжался недолго, сыграли свою роль неожиданность и мощный артобстрел. Уже с большим трудом была захвачена вторая линия обороны, после чего немецкие танки и пехота под прикрытием артиллерии, продолжавшей обстреливать наши тылы, ударили по нашим войскам. Потеря связи между частями, случайная гибель командира и ряда офицеров пехотной дивизии (один из снарядов угодил прямо в штабной барак) внесли хаос и сумятицу в полки и подразделения. Сейчас был не 41-й год, когда бойцы и командиры бежали в панике, а конец 1943-го, поэтому даже сейчас, находясь в невыгодном положении, фашистам преградили путь. Ценой крови, мужества и силы духа русских людей, которые бросались с гранатами под танки, выкатывали пушки на прямую наводку, стреляя в упор по вражеской бронетехнике, отстреливались до последнего патрона, но не отступали. Видя это, немецкие генералы кинули в прорыв свежую моторизованную дивизию и полк самоходных артиллерийских установок, благодаря которым германские войска вырвались на оперативный простор, сумев углубиться где на десять, где на двенадцать километров, сведя к нулю все разработанные планы по наступлению на этом участке фронта. Бесполезную попытку остановить гитлеровцев попробовал командир бригады, стоявшей в резерве, но был просто смят и раздавлен ударом железного кулака.

Авиация бездействовала уже несколько дней по причине плохой погоды, поэтому рассчитывать на ее поддержку не имело смысла, как и на дальнобойную артиллерию. Чтобы остановить немецкие части, были срочно переброшены и вступили в бой резервы от соседей. После ожесточенного боя на новой линии обороны установилось шаткое затишье. Обе стороны, не теряя времени, лихорадочно закреплялись на захваченных позициях, при этом настороженно следя за действиями противника. Наш главный штаб и разведывательное управление, проводя совещания, пытались понять, как немцы сумели не только прорвать нашу оборону, но и сорвать тщательно планируемое наступление. Из Ставки для проверки была быстро сформирована и послана комиссия, чтобы разобраться на месте с теми, кто мог допустить подобный провал.

Дикий грохот не только разбудил меня, но и заставил мгновенно вскочить на ноги. По нашим позициям била немецкая артиллерия. Напротив меня судорожно пытался попасть в сапог старший лейтенант, спавший напротив меня. Я его прозвал «битюг». Длинное лицо, напоминавшее лошадиную морду, широкие плечи и выпуклая грудь, говорящие о большой силе. Он был один из трех офицеров в помещении, куда меня определили на постой, а вернее – под охрану. Кроме «битюга» здесь ночевали Мошкин и еще лейтенант, из команды Быкова. Сейчас все трое лихорадочно одевались, мне же нужно было только надеть сапоги, так как вчера, уставший до предела, я улегся спать, почти не раздеваясь. Надевая сапоги, я одновременно пытался понять, что это: просто артиллерийская пристрелка или предвестник наступления. Среди московской группы царила растерянность, сейчас она хорошо отражалась на их лицах. Они не понимали, что происходит, впрочем, так же как и я.

– Что это?! – спросил Мошкин.

– Немцы стреляют, – подал голос лейтенант, натягивая шинель.

«Битюг» тем временем уже бежал к выходу, на ходу застегивая ремень.

– Звягинцев, может, ты...

В этот самый момент фашисты перенесли огонь, и один из снарядов разорвался где-то недалеко от нас. Мошкин прервался на полуслове и кинулся к распахнутой настежь двери.

Если сначала разрывы снарядов были слышны вдалеке, то сейчас они стали рваться рядом с нами. Я замер. Спустя какое-то мгновение я услышал свист, затем раздался взрыв, и... послышались дикие крики раненых и умирающих людей. Несколько ударов сердца – новый свист и новый разрыв. Земля закачалась под ногами, а с потолка посыпалась земля. Снаружи вперемешку с разрывами были слышны крики и стоны. Новый разрыв снаряда, упавший совсем рядом с баракom, заставил меня пошатнуться, так как земля снова попыталась уйти из-под ног. Страх сжал мое сердце, уж очень не хотелось умирать. Я рванулся к двери. Новый свист снаряда был какой-то особенный. Он словно парализовал меня, пригвоздив меня к месту. Ударившая по глазам вспышка черно-красного огня, вместе со страшным грохотом, сначала ослепила и оглушила меня, а в следующую секунду что-то тяжелое и острое ударило в грудь, сбив с ног. Сознание погасло прежде, чем я упал на землю. Я не слышал и не чувствовал, как новый снаряд, разметав угол барака, обрушил крышу и похоронил меня в развалинах. Не слышал, как ревели моторами танки и бронетранспортеры, рвались снаряды и строчили пулеметы. Не слышал, как стонали, кричали от боли и умирали люди.

Очнувшись я от пронзительно-острой боли в левом боку и, не удержавшись, застонал и только секундой позже понял, как кто-то за моей спиной, упираясь и пытаясь, пытается вытащить меня из-под обломков. При этом голова зверски болела, а в ушах словно били колокола. Я хотел послать этого спасителя по матушке, как вдруг услышал немецкую речь:

– Отто, помоги, черт бы тебя побрал! Чего стоишь, как истукан!

– Ты его еще немного подтащи, чтобы я мог ухватиться! Вот! Все! Схватил!

Новый рывок, и боль прошла меня, словно разряд тока. Я застонал.

– Ты не дергай так! Смотри, бревно крениться стало! Давай разом! Раз! Два! Три!

После этих слов последовал новый рывок, затем что-то заскрипело и рухнуло. Меня положили на землю.

– Уф! Тяжелый, какой! – надо мной наклонился рядовой вермахта с широкими плечами и с широким грубым лицом. – Ты кто, парень?

– Дитрих. Димиц.

Сказал, а в голове, несмотря на неожиданную ситуацию, все же промелькнула мысль, причем с откровенной издевкой в отношении самого себя: «Добрался я все-таки до немецкого тыла».

– Из двадцать седьмого батальона, что ли?

– Из двадцать седьмого, – повторил я за ним, надеясь, что он не потребует у меня документы.

– Вас тут порядочно полегло. Тебе еще повезло, унтер. Живой.

– Вы как, господин унтер-офицер? – поинтересовался моим самочувствием второй солдат.

По сравнению со своим напарником, крепким и плечистым парнем, он выглядел как вчерашний школьник. Худой, долговязый, в очках. В глазах страх и жалость.

– Не знаю, – при этом я усиленно прислушивался к ощущениям. Плечо жгло, но терпимо. Не мутило, но голова кружилась.

– У вас осколок в плече сидит и голова разбита. Сидите пока, я сейчас за санитаром схожу.

Санитаром оказался пожилой фельдфебель с большим красным носом, с брезентовой сумкой через плечо и белой повязкой с красным крестом на рукаве.

– Ну, что тут у нас? – добродушно прогудел он, осматривая меня и вдруг неожиданно для меня, ухватившись за осколок, с силой рванул. Я заорал как от боли, так и от неожиданности.

– Ну-ну. Всё. Хватит кричать! Я его уже вытащил. Что стоите! Раздевайте его живо! Сейчас рану почищу и дезинфекцию проведем.

После всех этих процедур мне помогли одеться, после чего санитар занялся моей головой.

– Чем это тебя приложили? Или ты на прочность лбом русскую броню пробовал?

– Может, и пробовал. Не помню. Ай! – морщась, ответил я.

– Да не дергайся ты, славный солдат вермахта!

– Да я...

– Господин фельдфебель Вангер! – закричали откуда-то со стороны. – Там тяжелораненый! Срочно нужна помощь!

Я узнал голос. Это кричал солдат, похожий на школьника.

– Вот так всегда, – недовольно буркнул санитар, а затем крикнул: – Иоганн, иди сюда! Живо!

Когда солдат прибежал, санитар сунул тому конец бинта:

– Домотай! И смотри мне! Аккуратно! Куда идти?

– Туда! – он махнул рукой, показывая направление. – Там Пауль!

После перевязки он помог мне подняться.

– Я вам помогу...

– Не надо. Куда мне идти?

Бывший школьник, а нынче солдат вермахта, рукой показал мне направление.

– Туда идите, господин унтер-офицер! Там лазарет! Большая палатка...

– Спасибо, приятель.

С этими словами я потихоньку двинулся в указанном мне направлении. По тому месту, где я шел, прошел сильный бой. Громоздились сгоревшие остовы танков и бронетранспортеров, стояли искореженные пушки, рядом с которыми лежали груды ящики из-под снарядов, валялись пробитые осколками каски и разбитое оружие. Все что могло, здесь уже сгорело. Мертвецов, на мое счастье, было не так и много, видно благодаря немецким похоронным командам. Правда, встречались места, при виде которых начинал ворочаться желудок. Одним из таких мест была воронка от снаряда, сразу у входа в землянку. Бревенчатый накат у входа завалился вместе с поддерживающими его стенками, обрушив первую треть блиндажа. Мешанина из человеческих тел, земли и обломков бревен заставила меня отвернуться, заставив пару раз сглотнуть подкатывающий к горлу комок.

Кругом была слышна немецкая речь. Двое фрицев-связистов раскручивали с катушки телефонный провод, но при этом вместе с ними двигался солдат – охранник, который постоянно оглядывался по сторонам, держа наготове винтовку. Проехали четыре бронетранспортера. Один из пулеметчиков по-приятельски помахал мне рукой. Я помахал ему в ответ. За ними двигалась пехота. Не меньше батальона. Фрицы с завистью косили на меня глазами. Впереди их ждал страх и боль, а я уже отвоевался, иду в тыл. Документы немецкого унтер-офицера у меня были настоящие, вот только участвовал мой полк в этом наступлении, мне было неизвестно. Даже более того. За это время (две недели, как эти документы попали к нашим контрразведчикам) полк могли отвести на переформирование.

«Что-то надо делать с солдатской книжкой. Только что?»

Я надеялся, что санитар и его двое солдат-помощников обо мне быстро забудут, так как у них, похоже, и без меня забот хватает, поэтому я собрался свернуть где-нибудь в сторону по пути в медпункт. Там меня ждала обязательная проверка документов. Вот только плохо, что я не знал этой местности, так как пробыл здесь все ничего – двое суток. Увидев с левой стороны развалины, я стал намечать, как мне до них добраться, как раздался крик, полный страха и отчаяния:

– Нет!!! Не стреляйте! Не...

Длинная автоматная очередь его резко оборвала.

«Кого-то шлепнули. Нет. Мне туда точно не надо», – но только я так подумал, как услышал ломаную русскую речь:

– Шнель! Бистро! Русский свин! Строишь! Цвай шеренг!

Эти приказы прозвучали из-за разбитого, наполовину обрушенного сарая, стоявшего слева от меня. В нем раньше хранили сено. Это было видно по трухе, перемешанной с грязью. Идти там мне не следовало. Меня могли узнать. Я замешкался, пытаюсь понять, что мне делать дальше. В этот миг, нарастая, послышался глухой рев двигателей каких-то тяжелых машин, движущихся мне навстречу. Пока я раздумывал, в какую сторону пойти, показались грузовики с солдатами, за которыми двигалась колонна тяжелых машин с прицепленными к ним пушками. Я остановился, пропуская их, одновременно анализируя ситуацию. Дело в том, что вместе с немецкой формой, документами и оружием мне дали только общую информацию. При чем сообщил ее мне Василий в короткой, лаконичной форме, в траншее, перед отправкой в тыл. По его словам, за линией фронта, в 22 километрах, есть небольшая деревня Аховка, где староста является ставленником партизан. Именно он должен был свести нас с партизанским отрядом. После чего мы должны были совместно с народными мстителями захватить предателей и немецкого полковника, который прилетает для встречи с ними на какой-то местный аэродром. Откуда он все это знает, мне было неизвестно, но информация явно заслуживала уважения.

Деревню я знал. Пароль тоже. Дорогу найду. Приду, после чего партизаны выведут меня на цель. И что дальше? При неудачной операции – меня расстреляют. Если все пройдет хорошо, то тут возможны варианты. Может быть, даже смогу войти в команду подполковника Быкова и укатить вместе с ним в Москву. Вот только в этом было одно «но». Носитель важной военной тайны, который неизвестно сколько времени болтался в немецком тылу. Чревато неприятными последствиями. Сразу вспомнят дело об избиении вышестоящих офицеров... Так что выбора особого у меня не было. Так и сделаем.

«Напрягаться не буду, а просто изображу активность».

Все эти мысли ходили по кругу у меня в голове и никак не могли упорядочиться, пока я провожал взглядом военную колонну. Замыкающим в колонне проследовал легковой автомобиль в сопровождении охраны. Водитель-мотоциклист и пулеметчик были в черных прорезиненных плащах и защитных очках.

«Мне бы такой транспорт, – сразу подумал я, стоило мне его увидеть. – Живо бы до леса домчался».

Не успел я так подумать, как вдруг неожиданно раздался чей-то громкий голос, назвавший знакомую мне фамилию:

– Товарищ Мошкин!!! Какая встреча! Вы не рады меня видеть?!

От удивления я даже застыл на пару секунд на месте. Это как понять? Обойдя сарай, я покрутил головой по сторонам и только после этого осторожно выглянул. У входа в деревянный барак, неизвестно каким образом оставшийся целым, стояло два немецких офицера (капитан и лейтенант) и мужчина в наброшенной на плечи немецкой шинели. Его я узнал сразу. Это был один из двух предателей, фотографии которых мне показал тогда Мошкин. Эта тройка сейчас стояла напротив пленных, выстроенных в две шеренги, которых окружало около десятка солдат, вооруженных винтовками и автоматами. Еще два автоматчика стояли поодаль. За ними в грязи, раскинув руки, лежало три трупа. Два офицера и солдат.

– Выходи! Выходи вперед, Мошкин! Не стесняйся! Поздоровайся с господами офицерами! – затем предатель повернулся к капитану и сказал: – Господин капитан, этот офицер работает в СМЕРШе. Он человек Берии. Приехал из Москвы.

Лейтенант перевел это капитану. Тот какое-то время изучал пленного с ног до головы. При чем взгляд у него был колющий и оценивающий. У меня даже мелькнула мысль, что тот

оценивает Мошкина сразу в двух вариантах: как человека и как мишень. Девяносто процентов я бы поставил на то, что фриц был сам контрразведчиком.

Капитан отдал команду, после чего фельдфебель рявкнул, и один из солдат с автоматом подбежал к первому ряду и вытолкнул стволом человека. Да, это был он, старший лейтенант Мошкин, собственной персоной. Неожиданно пошел дождь, и капитан, бросив кислый взгляд на небо, развернувшись, вошел в барак, за ним следом шагнул лейтенант, а последним – предатель. Пока охранники строили пленных в колонну по четыре человека, чтобы гнать дальше, Мошкина тем временем фельдфебель и солдат завели в барак. Второй солдат остался стоять у двери. Мне было интересно, о чем они там говорят, но еще интересней была мысль о том, что выведи я этого иуду и Мошкина к нашим частям, то у меня был шанс стать героем. Вот только это было нереально. Тут самому бы выкрутиться, а уж с такими довесками...

Бок уже не так сильно жгло. Неожиданно захотелось есть. Горячего наваристого супа.

Я проглотил слюну. Вещмешок с продуктами остался в разбитом сарае, как и автомат. Из оружия – пистолет на поясе да ножи. Опускались сумерки. Ливень превратился в мелкий холодный дождик. Еще раз обдумал свое положение. Идти в сторону наших позиций – самое настоящее самоубийство. Что немцы, что наши после этой кровавой бойни настолько озверели, что спрашивать не будут, а просто пустят пулю в лоб. Да и линии фронта четкой нет. Нет, надо идти к немцам в тыл и попробовать выйти на партизанский отряд. Был еще один вариант. Где-то спрятаться, а затем дожидаться нашего наступления. Не оставят же наши генералы такую ситуацию. На фига им клин, вбитый в нашу оборону, а значит, будут выправлять линию фронта. Вот только как пережить второй раз этот дурдом? Значит, вперед! Стоп! Документы! Я достал из внутреннего кармана солдатскую книжку, затем пролистал ее. Хм. Похлопал по карманам, выудил зажигалку и поджег книжку с краю, после чего вывалял ее в грязи, а затем почти то же самое проделал с шинелью и кителем. Дрожа от холода, я оделся, после чего направился в сторону немецкого лазарета. Как я и рассчитывал, несмотря на хваленый немецкий порядок, около полевого госпиталя был самый настоящий хаос. Две большие палатки были битком набиты ранеными, которые стонали, кричали и ругались. Еще в одной палатке шли операции. Врачи и фельдшеры просто не успевали принимать раненых. Подойдя к группе легкораненых солдат, я без особого труда выудил у них сведения, которые были мне нужны. Раненых было много, поэтому только спустя два часа меня осмотрел врач, а затем отправил на перевязку. Там же сидел пожилой и усталый фельдфебель, который потребовал мою солдатскую книжку. Он взял ее двумя пальцами, затем брезгливо перелистал ее, после чего записал в журнал, без лишних вопросов, мои данные, причем по большей части с моих слов. После перевязочной меня отправили в одну из двух больших палаток, где к этому времени оказалось несколько свободных мест. Меня покормили и оставили отдыхать. На вопросы соседей я почти не отвечал, ссылаясь на сильную головную боль. Еще спустя какое-то время прибыли три закрытые машины, куда положили тяжелораненых, а так как санитаров не хватало, то легкораненым предложили ехать в качестве сопровождающих. Несколько солдат, и я в том числе, дали свое согласие. Мне надо было отсюда срочно убираться. В дополнение к своей испорченной солдатской книжке мне дали справку с фиолетовой печатью. В ней говорилось, что согласно моим ранениям я отправлен в тыловой госпиталь на излечение. Я поинтересовался, куда мы едем, а когда получил ответ, обрадовался. Населенный пункт назывался Кондратьево. Карты у меня с собой не было, но на зрительную память я никогда не жаловался, поэтому хорошо помнил название ряда деревень и их соотношение к Аховке. От Кондратьево до Аховки было четыре-пять километров. Просто отлично!

В госпитале задержался на сутки, а потом просто сбежал, прихватив на кухне три банки консервов и буханку хлеба. Спустя три часа я был у цели, вот только то, что мне довелось увидеть, совсем не понравилось. Стоило мне выглянуть из-за дерева, расположенного на опушке леса, где-то в трехстах метрах от деревни, как я зло выругался. Надо мной словно злой рок

висел. На фоне трех десятков домов стояли два грузовика, толпа крестьян, мужиков и баб, окруженные дюжиной немецких солдат. Крестьяне смотрели и слушали немецкого лейтенанта, который что-то им читал по бумаге. Рядом с ним стоял мужчина в пальто, с белой повязкой на рукаве, который переводил сказанное офицером. После того как лейтенант закончил читать, он повернулся к большому сараю, стоявшему на окраине деревни и громко крикнул:

– Donnerwetter!! Живее!!

В следующую секунду из-за сарая показались два солдата с канистрами в руках, которые время от времени плескали бензин на его стены. Несколько женщин из толпы жалостно заголосили. У мужчин лица напряженные, хмурые, злые, а пальцы сжались в кулаки – они бы уже кинулись в драку, вот только в руках у немецких солдат – винтовки. Как говорится: плетью обуха не перешибешь, и все равно нашлись две совсем отчаянные головы. Сначала из толпы на солдат кинулся мужик в драной телогрейке, из которой торчала вата, но получил стволом винтовки в живот, утробно застонал и, согнувшись, упал на колени. Второго ударили прикладом в лицо, и он рухнул на землю как подкошенный, а тем временем поджигатели отбежали от сарая. Один из них понюхал свои ладони, затем тщательно вытер их об отсыревшую шинель и только после этого достал спички. Чиркнул и бросил горящую спичку на бензиновую дорожку. Все это происходило в гробовом молчании, и только тогда, когда огонек побежал к сараю, люди закричали.

Только когда огонь полностью охватил сарай, лейтенант дал какую-то команду. Немецкое оцепление рассыпалось, и фрицы как ни в чем не бывало принялись собираться. Несколько женщин и мужчин кинулись к лежащим на земле сельчанам, но большинство так и осталось стоять, глядя, как пламя пожирает сарай. Стоило мне увидеть, что несколько солдат грузят туши свиней в одну из машин, то окончательно понял, что происходит, хотя до этого уже знал о подобных мерах из инструкции по умиротворению оккупированных районов № 9 от 15 октября 1942 года. В свое время (в группе Камышева) мне нередко приходилось изучать подобные документы. Выдержка из этой инструкции гласила: «Уничтожение отдельных партизанских отрядов не решает проблемы ликвидации партизанского движения в целом, ибо практика показывает, что это движение возрождается снова, как только карательные части меняют дислокацию. Только полное уничтожение материальной базы в труднодоступных, в силу природных особенностей, районах может отнять у партизан способность к возрождению новых отрядов. Ввиду этого охранным частям предлагается произвести изъятие и вывоз продовольствия из всех труднодоступных районов. Продовольствие, которое в силу тех или иных причин не может быть вывезено, должно безжалостно уничтожаться. Не может быть пощады в отношении кого бы то ни было! Только коренное истребление материальной базы приведет к умиротворению территории. Населению должно быть разъяснено, что виновником его бедственного положения является контакт с партизанами».

Немцы не спеша загрузили ящики, корзины и мешки на машину, после чего расселись и уехали. С откровенной злобой я проводил глазами машину с гитлеровцами.

«Вот же сволота фашистская! Из-за вас меня крестьяне голыми руками разорвут, стоит только показаться в этой форме им на глаза! И сразу вилами! Два удара – восемь дырок! Мать вашу! Охренеть, как мне весело живется!»

Люди тем временем бросились к сараю и попробовали тушить пламя. С одного угла им удалось его сбить, и они сразу стали разбирать и оттаскивать обгорелые бревна и доски. В толпе радостно закричали, стоило им увидеть, что мужчинам удалось вынести несколько мешков, но только они успели это сделать, как обвалилась прогоревшая крыша. Пламя взлетело чуть ли не до небес, и колхозники отхлынули в разные стороны, но затем снова стали вилами и граблями разгребать и растаскивать бревна, пытаясь спасти то, что еще не сгорело.

«Это надолго, – подумал я, после чего, отломив от буханки кусок, стал с аппетитом жевать, а затем вскрыл ножом банку консервов. За едой продолжал внимательно наблюдать

за колхозниками и только поэтому вовремя заметил, как крепенький дедок отозвал одного из подростков, что-то ему сказал, после чего тот быстро зашагал в сторону леса. К тому моменту, как я прикончил тушенку, он добрался до леса. Я сразу двинулся за ним. Подросток быстро шел, но при этом соблюдал осторожность. Несколько раз останавливался, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к лесным звукам. Было видно, что даже в сумерках он легко ориентируется, но при этом было видно, что по лесу толком ходить не умеет. Пару раз оскальзывался, а один раз споткнулся, да так, что только чудом не упал. Когда он в очередной раз резко остановился и стал внимательно вглядываться в полумрак, я понял, что мы пришли к границам партизанского лагеря. Паренек тихонько свистнул пару раз, потом после короткой паузы еще раз свистнул. Раздался легкий шорох, затем негромкий голос спросил:

– Сенька, ты?

– Я, дяденьки. В деревне беда. Дед меня прислал. Немцы приехали...

– Давай сюда, парень. Здесь расскажешь.

Мне незачем было прислушиваться к разговору, и я осторожно стал обходить дозор сбоку, настороженно оглядываясь по сторонам. Что, если у них кроме постов, секреты расставлены? Так оно и оказалось. Партизан, сидевший в секрете, в метрах тридцати от места, шевельнулся, видно повернулся, прислушиваясь к разговору. Вычислив его местонахождение, я подкрался к нему, затем точным ударом в висок отправил его в бессознательное состояние. Аккуратно положив тело на землю, а рядом с ним винтовку, я двинулся в сторону лагеря. Вскоре деревья расступились, и я оказался в партизанском лагере. Землянки. Три деревянных сруба. Чуть дальше поляна, где под навесом кроме грубо сделанных столов и лавок стоял нахохлившийся часовой. Рядом стояла военная полевая кухня. Только я успел все это рассмотреть, как дверь одного из бараков распахнулась, вырезав в темноте светлый прямоугольник. В проеме показался парень, который побежал к одной из землянок. Часовой встрепенулся и перехватил его на бегу вопросом:

– Гришка! Чего там случилось?!

– Да Аховку фашисты разграбили!

– Вот суки фашистские! – с чувством выругался, услышав эту новость, часовой.

Спустя пару минут из землянки, куда нырнул посланец, выскочило два человека, на ходу надевая телогрейки, и быстрым шагом направились к бараку.

«Начальство собирается. Совещаться будут».

Часовой, сонное и скучное существование которого было резко нарушено новостью, вместо того, чтобы по всем правилам нести караульную службу, стал с каким-то настороженным вниманием следить за дверью партизанского штаба и поэтому не заметил, как за его спиной возникла темная фигура. Засунув его под стол, чтобы не сильно бросалось лежащее на земле тело, я подошел к срубу и открыл дверь. Зашел. При свете двух ламп-коптилок, сделанных из латунных гильз, сидело четверо мужчин и парнишка из Аховки. Трое из них сидели за столом, а еще один командир вместе с парнишкой сидел на лавке, стоящей у стены. Все пятеро сейчас тарасили на меня удивленные глаза. Перед ними стоял самый настоящий фриц.

– Здравствуйте, товарищи. Послан в ваш партизанский...

– Ты, гад, откуда здесь взялся?! – вскинулся на меня, приподнимаясь с места, плотный, ширококостный мужчина в армейской шинели без знаков различия, перетянутой португеей, сидевший на лавке, при этом его рука уже расстегивала кобуру.

– погоди, Мирон Иванович! – перебил его сидевший за столом мужчина в свитере домашней вязки и надетой поверху телогрейке. – Дай человеку сказать!

– Расскажу. Только вы своих часовых смените. В секрете и на внутреннем посту. Не дай бог застудят парни свои мужские достоинства на сырой земле, а потом девушки их любить не будут.

После этих слов меня обожгло сразу несколько злых взглядов.

– Мирон Иванович, распорядись, – отдал приказ командир отряда, продолжая смотреть на меня внимательным и цепким взглядом. – А вы садитесь. У нас с вами, похоже, долгий разговор будет.

Усевшись на лавку, я коротко изложил свою историю, главным козырем в которой был пароль к старосте деревни. Командование отряда, в общих чертах, знало о готовящейся операции, поэтому после короткого разговора-допроса меня довольно вежливо попросили сдать оружие, потом накормили и определили в землянку под охрану.

На следующее утро я снова предстал перед партизанскими командирами. То, что мне сразу вернули оружие, говорило о том, что моя личность полностью подтверждена нашим командованием, после чего сразу пошел разговор о деле, при этом теперь для партизан я был товарищем Константином, человеком из Москвы. Стоило мне это услышать, как сразу понял, что там, за линией фронта, считают сложившуюся ситуацию прямо по пословице. Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Меня решили использовать по полной программе, полностью возложив на меня всю ответственность. Мне это не понравилось, но ничего сказать я не успел, как мне в руки сунули бумагу.

– Товарищ Константин. Вот, возьмите радиogramму. Это то, что мы получили ночью из центра. Прочитайте.

Смысл текста был прост и незамысловат: захват полковника фон Клюге проведут партизаны, а товарищ Константин отвечает за документы. Головой отвечает. Мне оставалось только покачать этой самой головой. После чего мне сразу подумалось о подписанной мною расписке с расстрельной статьей. Цела бумажка или где-то лежит, втопанная в грязь? Знать бы наверняка! Уж очень не хотелось иметь дело с секретом особой важности. Уже то, что начальство разом плюнуло на все секретные циркуляры и приказы, в которых определялось отношение к военнослужащим, вышедшим из немецкого плена, говорило о том, что полковник и документы представляют собой важную государственную тайну. Ведь будь по-другому, я должен быть арестован и допрошен в соответствии со всеми положенными инструкциями, и если бы партизанским командирам показалось, что я вру и уваливаю, то меня бы тут и шлепнули бы, как немецкого шпиона. А вместо этого не только не арестовали, но и решили доверить секретные документы! Чудо чудное, диво небывалое! Все это я прокрутил в голове, потом отдал радиogramму.

– Что от меня требуется?

– Место для засады мы уже определили. Людей подобрали. Вы, товарищ, в бой не лезьте. Ваше дело разобраться с документами и пленными, которых мы захватим, – он немного помолчал. – Теперь нам остается только ждать, когда наш человек с немецкого аэродрома знак подаст. Сами видите, уже третьи сутки тучи сплошные над головой висят. Никаких полетов нет. Поэтому пока отдыхайте. Мы вам одежду приготовили.

– Я пойду в немецкой форме.

– Почему? А впрочем, это ваше дело! Людей я предупрежу.

Засаду партизаны приготовили грамотно, со знанием дела, вот только как всегда бывает, неожиданно выплыли детали, которые никакими точными планами и детальными разработками не учтешь. Вместо легкового автомобиля с охраной на дороге оказалась колонна из четырех автомобилей и мотоцикла с пулеметчиком, но хуже всего было то, что одной из машин оказался полугусеничный бронетранспортер с двумя пулеметами.

Метко брошенная граната буквально перевернула мотоцикл, выбросив фрицев на дорогу, а с другой стороны затрещал пулемет и ударили винтовки, прошивая борта и кабину ехавшего сзади тентованного грузовика. Пулеметчика сняли сразу, но на его место мгновенно встал другой, а в добавление к пулеметам поверх бортов транспортера застрочили автоматы солдат, но неожиданность сыграла свою роль, и оборона фрицев была сломлена уже спустя несколько

минут. Сначала противотанковая граната сорвала гусеницу, лишив путей отхода, а прилетевшая следом пара метко брошенных гранат довершили дело. Из всей колонны только легковой автомобиль выглядел более или менее достойно, не считая нескольких пулевых отверстий, спущенных шин и пары стекол, разбитых случайными осколками. Когда его водитель понял, что их не расстреливают на месте, он сделал все для того, чтобы остаться живым. Открыл дверцу и с диким криком «Не стреляйте!! Я сдаюсь!!» – мешком вывалился наружу. Вот только зря он старался, так как во время короткого боя партизаны понесли существенные потери. Позже мне стало известно, что в этой засаде погибло четверо партизан и еще трое получили ранения, именно поэтому они выскочили на дорогу злые как черти. Глаза бешеные, пальцы застыли на спусковых крючках. Им очень хотелось отомстить, добив до конца всех гитлеровцев, а тут еще строгий приказ: всех в автомобиле захватить живыми, во что бы то ни стало!

– Суки фрицевские, бросай оружие! Сдавайтесь, гады! – раздалась со всех сторон крики.

После такого приглашения дверцы автомобиля почти разом распахнулись, и на землю полетело оружие.

– Выходи, фашисты! Живо, суки!

Три немецких офицера вылезли из машины и сейчас неподвижно стояли и со страхом смотрели на приближающихся партизан, но стоило партизанам приблизиться, как обер-лейтенант, чья левая рука была до времени прикрыта дверцей, вдруг вскинул ее и стал стрелять. Как оказалось, он был левшой и имел второй пистолет. Он просто высадил обойму в подхитивших к машине партизан, за что получил несколько пуль в грудь и свалился в дорожную грязь.

– Не стрелять!! Мать вашу!! – сразу заорал командир отряда, прекрасно понимая, чем для него чревато невыполнение приказа высшего командования и кинулся вперед. – Это приказ!! Не стрелять!! Живыми брать!

Я видел, как он при этом бросил мельком взгляд на партизан, лежащих на земле, и закричал зубами от злости. Один из них лежал на спине, смотря в небо пустым взглядом, второй умирал, хрипя и булькая, с простреленной грудью. Третий, стоявший поодаль, со злым и криковым от боли лицом, держался за простреленную руку. Он, а за ним комиссар, который подбежал к машине, практически закрыли собой немецких офицеров. Только это спасло немцев от немедленной расправы. Партизаны, матерясь сквозь зубы, медленно опустив оружие, стали расходиться, как неожиданно раздалось несколько выстрелов. Все, как один, мгновенно повернули стволы в сторону звука, но уже в следующую секунду стало все понятно: кто-то из партизан пристрелил забытого на какое-то время немца-шофера. То, что случилось на дороге, меня не удивило. Кому как не мне знать, что дисциплина в большинстве партизанских отрядах хромала на обе ноги. Настороженные и злые партизаны принялись осматривать трупы и собирать трофеи, а двое бойцов под присмотром комиссара тем временем обыскали обоих немецких офицеров, после чего подвели их к командиру. Стоя рядом, я внимательно оглядел немцев. Офицеры удивленно косились на мою немецкую форму, но при этом благополучно помалкивали. Полковника абвера я сразу узнал, а вот второй офицер, в звании подполковника, был мне незнаком. Только я открыл рот, чтобы его спросить, как раздался крик молодого партизана, залезшего в бронетранспортер.

– Эй! Сюда! Тут наш!

На его крик кинулось сразу несколько человек, подбежавших к бронетранспортеру. Командир отряда, до этого разглядывавший немцев, повернул голову в его сторону:

– Что там за наш, Сашка?!

– Не знаю. Один в нашей форме. Пленный, что ли... У второго немецкая форма, но без погон, – неуверенно ответил молодой парень.

Стоило мне услышать эти слова, как я быстро зашагал к бронетранспортеру. Мозг быстро связал полковника абвера и старшего лейтенанта Мошкина, так как оба они имели прямое отношение к тайне. Если Мошкин хоть и стал для меня в какой-то степени неожиданностью,

но все равно не такой большой, как мертвец в военной форме без знаков различия. Им был предатель с фотографии, который несколькими днями ранее опознал старшего лейтенанта в группе пленных.

«Почему их вместе везли? Или один был под охраной, а для предателя другого места не нашлось? Но почему они тогда в бронетранспортере, а не в грузовике с солдатами. Хм. А куда фрицы второго предателя задевали?»

Долго ломать голову над этими вопросами я не стал, так как все эти загадки были не для моего ума. У меня было свое, четко очерченное задание. Спрыгнув на землю, я подошел к пленным немецким офицерам. Командир, все это время стоявший рядом с фрицами, бросил на меня вопросительный взгляд, собираясь узнать у товарища из Москвы его особое мнение. В ответ я сделал многозначительное лицо, мол, потом поговорим, после чего обратился к немцам:

– Господа, здравствуйте. Насколько я понимаю, вы господин Густав фон Клюге?

– Вы хорошо осведомлены, господин русский разведчик, – ответил мне немецкий полковник. – Может, вы для начала представитесь?

– Вам это не нужно. Где документы?

– Какие документы? – при этом полковник усмехнулся краешками губ.

Он уже понял, что засада была организована именно на него и его не убьют прямо здесь, на грязной лесной дороге, поэтому вспыхнувший в нем страх смерти почти погас и теперь только тлел где-то глубоко внутри него. Он им нужен живой. Его повезут в Москву. А там видно будет.

– Вам лучше знать. Вы же ради них сюда приехали.

– Не знаю, о чем вы говорите.

– Пусть так, – и я повернул голову к стоящему рядом с ним подполковнику. – А вы кто будете?

– Барон фон Болен.

– Вы имеете какое-либо отношение к полковнику?

– Нет.

– Значит, вы для меня бесполезны.

Подполковник вздрогнул. Он видел бросаемые на него время от времени взгляды партизан и понял, что в эти самые секунды решается его жизнь, но при этом повел себя как мужчина.

– Моя смерть ничего вам не даст.

Эта фраза из уст человека, почти приговоренного к смерти, была достойна уважения. В его глазах клубился страх, но при этом у него хватало силы воли держать себя в руках.

«Ничего мужик, крепкий», – подумал я, а вслух сказал:

– В лагере разберемся. Руки обоим связать. Заберем с собой.

– Обоих? – сразу уточнил командир отряда.

Я его понимал. Ему очень хотелось отдать на расправу своим парням этого лошеного гитлеровца, чтобы они как-то могли поквитаться за убитых товарищей.

– Обоих. Все найденные документы и бумаги, кроме военных книжек, должны быть переданы мне, Никита Семенович. А сейчас...

– Эй! Народ! А он дышит! Точно, еще живой!

Я обернулся на крик. Оказалось, что когда партизаны стали тащить из бронетранспортера тела Мошкина и предателя, старший лейтенант вдруг неожиданно застонал. Быстро подойдя к телу, я склонился над ним. Сейчас он смотрел прямо на меня, но, похоже, ничего не видел, потом снова закрыл глаза и провалился в забытие. Партизан, исполняющий роль санитаря, вопросительно посмотрел на меня.

– Чего смотришь?! – зло бросил ему я. – Окажи ему помощь!

Тот коротко кивнул головой и принялся за дело. Я обернулся к командиру отряда.

– Никита Семенович, подойдите.

Подойдя, тот бросил взгляд на тела, лежащие на земле, потом посмотрел на меня. В его взгляде читался вопрос: что еще? Я ткнул пальцем в труп предателя.

– Это человек, которого мы искали. Запомните его лицо. Возможно, потом вам придется давать показания.

Партизанский командир скривился, словно у него неожиданно заныл зуб, бросив на меня неприязненный взгляд. Зачем меня в свои дела вмешиваешь, говорил он глазами, но вслух ничего не сказал, только кивнул. Я его понимал. Его отряд понес весьма ощутимые потери в людях, а тут еще вешают на шею обязательства, связанные с важной государственной тайной. И как потом все это для него обернется?

– А что второй? – спустя несколько секунд спросил он.

Стоило мне увидеть тело Мошкина, то я сразу решил его не признавать, вот только теперь, когда оказалось, что тот может выжить, передо мной снова встал тот же самый вопрос: признать или нет? Колебался до последней секунды и все же решил сказать: нет. Если что, решил я, скажу, что не хотел светить контрразведчика перед партизанами. Ведь неизвестно, с какой миссией он оказался в тылу врага. То ли пленного, то ли разведчика.

– Не знаю этого человека, – после чего пошел к автомобилю и стал внимательно, с особой тщательностью, обыскивать его под неприязненными взглядами партизан, которых к машине не подпускал комиссар. Единственным результатом поисков стали два портфеля из кожи, желтого и коричневого цвета, лежавшие на заднем сиденье. Забрав их, подошел к командиру отряда: – Мы можем идти.

Сразу после того, как мы вернулись на базу, командир составил шифровку, но отсылать ее не стал, а почему-то показал мне. Текст короткий: задание выполнено. Полковник захвачен.

– Вы ничего не хотите добавить к тексту?

– Нет.

– Воля ваша. Будете допрашивать немцев?

– Фон Клюге – нет, а вот с другим, подполковником, поговорю. У вас есть человек, знающий немецкий язык?

– Сейчас никого нет. Девушка была. Учительница. Только ее в начале лета убило.

– Ясно.

Сейчас я исходил из одного мудрого правила: меньше знаешь – крепче спишь. Мне нельзя было влезать еще глубже в это дело, от которого явно пахло дерьмом. Меня полюбому будут крутить на допросах, так зачем давать следователям лишние шансы утопить меня. Именно поэтому портфели пленных немецких офицеров и все бумаги, которые были найдены, были сложены в мешок при командире и комиссаре, и теперь все это находилось в штабе, под охраной часового.

Подошло время ужина. Я только вышел из землянки, чтобы похлебать горячего, как ко мне подбежал совсем молодой партизан, почти мальчишка, с лицом, полным важности, видно от оказанного ему доверия, передал приказ:

– Командир отряда приказал вам срочно прибыть в госпиталь!

– Куда? – невольно спросил я, озадаченный подобным распоряжением.

– В госпиталь! Срочно! – в следующий миг, наткнувшись на мой недовольный взгляд, сбросил с себя важный вид и уже совсем по-детски попросил: – Идемте быстрее, дяденька! Никита Семенович очень ждет!

В землянке, отведенной под госпиталь, стояло шесть топчанов. На двух дальних топчанах лежали раненые партизаны, которые сейчас спали, сладко похрапывая. На третьем лежал старший лейтенант Мошкин. Рядом с ним стояла женщина-врач, вытиравшая ему лицо влажной тряпочкой, а на соседнем топчане сидели двое: командир отряда и его заместитель по политической части Тихорук Василий Александрович. Только я хотел спросить, ради чего меня сюда позвали, как Мошкин, до этого лежавший молча, вдруг заметался, а затем вдруг заговорил...

на отличном немецком языке. Я замер, удивленно глядя на него. У меня были хорошие учителя и богатая языковая практика, как во времена своего студенчества, так и в тылу у немцев, поэтому со временем изучил особенности нескольких немецких диалектов и, к примеру, мог отличить берлинца от австрийца. Именно поэтому спустя несколько минут, слушая невнятный бред контрразведчика, мог дать голову на отсечение, что старший лейтенант ГБ Мошкин является жителем Берлина. Или очень долгое время там прожил. Я удивленно уставился на партизан: что это такое происходит? Командир при виде моего явного удивления усмехнулся:

– Вижу, товарищ Константин, что вы тоже удивлены. Хм. Просто загадка какая-то. Одет в нашу форму, а говорит по-немецки. Мы чего вас позвали, товарищ. Вы послушайте его, может из его слов хоть что-то станет понятно.

– Хорошо.

«Мошкин» то выдавал скороговоркой слова и обрывки фраз, то вдруг начинал метаться и тогда резко замолкал. Сначала мне ничего не было понятно, но со временем удалось выделить из его бреда четыре слова, повторяющихся с бессистемной периодичностью. «Третий этаж». «Архив». «Мое». «Не отдам». После коротких раздумий я постарался сложить обрывки предложений, после чего можно было сделать только один вывод: он где-то хранит какой-то архив и не собирается его никому отдавать.

«Может, подтолкнуть его к откровению? В бреду – может и выболтать», – но потом покопился на партизанских командиров и решил на время отложить эксперимент.

– Так что он говорит? – перебил мои мысли комиссар.

– Бормочет про какие-то три документа, которые должен сохранить, – выдал я собственную импровизацию перевода.

– Точно, – подтвердил мои слова командир отряда. – Все время тройку повторяет.

– Так он что, немец? – поинтересовался комиссар.

– Я не специалист, но, похоже, что так, – со специально добавленной ноткой неуверенности сказал я, потом повернулся к женщине-врачу: – Как он?

– Шесть осколков. Крови много потерял. Два из них вытащила, а остальные побоялась доставать. Слабый он очень. Не выдержит боли, умрет.

Внимательно посмотрел на «Мошкина». Сейчас тот лежал неподвижно с закрытыми глазами, только пальцы жили своей отдельной жизнью, комкая одеяло. На фоне его бледного и мокрого от пота лица два багрово-красных пятна на щеках смотрелись особенно ярко. Я снова задумался.

«Неужели он немецкий шпион? Хм. Если так, то тогда ясно, почему он ехал в бронетранспортере с иудой. Вот только почему он тогда оказался среди пленных? Или он, как и я, в бессознательном состоянии попал в плен. А чего? Вполне годная версия. Погоди! А почему его предатель опознал как человека Берии? Или они не связаны? Да и фиг с ними. Не мое это дело».

Пока я думал, командир с комиссаром сидели молча, наверняка думая о непонятном человеке, пока комиссар неожиданно не сказал:

– Он их постоянно повторяет, а значит, для него они очень важны, Никита Семенович. Ты не думаешь, что они заключают в себе важную государственную тайну? – и он посмотрел на командира, потом на меня. Увидев кислое выражение наших лиц, осознал свою ошибку и решил исправить положение, сменив тему.

– Марина Васильевна, вот вы медицинский работник. Что вы скажете насчет того... М-м-м... Насколько можно верить словам раненого в таком состоянии? – поинтересовался политрук.

– Вы же знаете, Василий Александрович, что я не настоящий врач, а только фельдшер. Могу только сказать, что в горячке больной чаще всего говорит о том, что его тревожит или

он чего-то боится. Вот только это могут быть разные воспоминания. Недавние или давно прошедшие. Например, три года назад. И вообще, здесь хороший специалист нужен.

Командир отряда встал. За ним поднялся комиссар.

– Бред, он и есть бред, – утверждающе сказал командир, но при этом выжидающе посмотрел на меня. Что скажу?

Я пожал плечами.

– Вы остаетесь? – поинтересовался он.

– Посажу, послушаю. Может, что-то пойму.

Командир кивнул и пошел, сопровождаемый замполитом, к выходу. Я присел на топчан, где до этого сидели товарищи командиры, и задумался о том, что вся эта история пахнет еще хуже, чем я думал.

– Товарищ, вы здесь еще побудете? – неожиданный вопрос врача вырвал меня из мыслей.

Я поднял глаза.

– Могу побыть.

– Я отлучусь ненадолго. Дождитесь меня, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.